

A romantic couple is shown on a motorcycle. The man, with a beard and sunglasses, is driving and smiling. The woman, with long blonde hair and sunglasses, is leaning into him, also smiling. They are both wearing dark leather jackets. The background is slightly blurred, showing what appears to be a city street with buildings.

ДАНИЭЛА СТИЛ

Счастье может настигнуть
в самом неожиданном месте

ГОЛУБОГЛАЗЫЙ
ЮНОША

Даниэла Стил

Голубоглазый юноша

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.111-31(73)

ББК 84 (7Coe)-44

Стил Д.

Голубоглазый юноша / Д. Стил — «Эксмо», 2016

ISBN 978-5-04-101363-9

Джинни Картер когда-то была успешным телерепортером и счастливо жила с мужем, популярным ведущим новостей, и малюткой сыном в большом доме в Беверли-Хиллз. Но автомобильная авария, случившаяся накануне Рождества, перечеркнула все. Выжила только Джинни. Снедаемая горечью вины, она бросила престижную работу, вступила в правозащитную организацию. Отныне в разных горячих точках земного шара она сознательно ищет опасности, втайне надеясь поймать шальную пулю. Все меняется в третью годовщину катастрофы: на холодной мостовой Джинни встречает бездомного подростка с пронзительными голубыми глазами. Блу Уильямс сирота и уже много лет живет на улице, приюты с их правилами и расписанием не подходят его вольному нраву. Джинни, не умеющая проходить мимо чужой беды, решает накормить ужином несчастного мальчика. Так зарождается их дружба, которая изменит жизнь обоих, подарив второй шанс на счастье.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84 (7Coe)-44

ISBN 978-5-04-101363-9

© Стил Д., 2016

© Эксмо, 2016

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	19
Глава 4	25
Глава 5	36
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Даниэла Стил

Голубоглазый юноша

Моим обожаемым детям Беати, Тревору, Тодду, Нику, Саманте, Виктории, Ванессе, Макс и Заре

Жизнь состоит из особенных мгновений, моментов радости и печали, из огромного везения, невероятной сосредоточенности – из незабываемых мгновений, остающихся с тобой, пока живешь, из мгновений-драгоценностей.

Пусть все ваши особенные мгновения будут бесценными, счастливыми, пусть приносят в вашу жизнь удачные перемены, пусть будут благословениями.

И пусть ваше влияние на других будет благотворным, а чужое влияние на вас – любящим.

Всегда, всегда знайте и помните, как бесконечно, всем сердцем я вас люблю – ныне и во веки веков.

С любовью, ваша мама

Danielle Steel
Blue

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Copyright © 2016 by Danielle Steel

© Кабалкин А., перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2019

Глава 1

Путешествие по западноафриканской стране Анголе из деревушки близ Луэны до Маланже, а затем поездом до Луанды, столицы, заняло семь часов. Отрезок от Луэны был трудным из-за неразорвавшихся противопехотных мин, требовавших крайней осторожности при езде. После сорока лет конфликтов и гражданской войны опустошенная страна нуждалась в максимальной помощи извне. Потому там и находилась Джинни Картер, посланница частного нью-йоркского фонда SOS Human Rights. Фонд рассылал по всему свету своих сотрудников, следивших за соблюдением прав человека. Командировки Джинни продолжались обычно два-три месяца, бывало, что и дольше. Она входила в группу, регистрировавшую нарушения или угрозы нарушения прав, чаще всего помогавшую женщинам и детям и старавшуюся в горячих точках удовлетворять острые потребности в еде, воде, медикаментах, крыше над головой. Джинни часто приходилось вмешиваться в юридические коллизии, навещать женщин-заключенных, общаться с адвокатами, добиваясь справедливого суда. SOS очень заботился о своих сотрудниках и брал ответственность на себя, но работа все равно порой бывала опасной. Перед началом работы Джинни прошла углубленный подготовительный курс, где ее учили всему на свете, от рытья канав и очистки воды до эффективной первой медицинской помощи, и все же к тому, что представляло ее взору, подготовиться было невозможно. Начав работать в SOS/HR, она многое узнала о взаимной людской жестокости и об отчаянном положении людей в неразвитых и развивающихся странах.

Прежде чем пройти таможенную в аэропорту имени Д. Ф. Кеннеди в Нью-Йорке, она провела в пути 27 часов, включая перелет из Луанды в Лондон, 4-часовое ожидание в аэропорту Хитроу и перелет в Нью-Йорк. На Джинни были джинсы, туристические ботинки и тяжелая армейская куртка с капюшоном, светлые волосы кое-как перехвачены резиновой лентой; в таком виде она проснулась в самолете перед самой посадкой. В Африке она, начиная с августа, провела четыре месяца, дольше обычного, и возвращалась в Нью-Йорк 22 декабря. Она надеялась получить к этому времени новое задание и новую командировку, но сменщики задержались. Как Джинни ни пыталась избежать зависания в Нью-Йорке, теперь ее ждало там одинокое Рождество.

Можно было бы отправиться в Лос-Анджелес, к отцу и сестре, но эта перспектива выглядела еще хуже. Джинни покинула Лос-Анджелес три года назад ради кочевой жизни на посылах у SOS Human Rights. Она любила свою работу и то, что работа эта, забирая все силы, почти не оставляла времени подумать о собственной жизни; а ведь раньше Джинни даже в самых безумных мечтах не представляла, что будет жить и трудиться в странах, с которыми теперь познакомилась. Она помогала акушеркам при родах или сама играла роль акушерки, если так складывались обстоятельства. Держа на руках мертвых младенцев, она пыталась утешать их матерей. Она ухаживала за сиротами в лагерях для перемещенных лиц. Она бывала в разоренных войной областях, пережила два восстания и одну революцию, наблюдала страдания, нищету, полное опустошение – все то, с чем никогда не столкнулась бы, сложиись ее жизнь иначе. Все остальное откладывалось на неопределенный срок. SOS/HR был благодарен ей за готовность отправляться в худшие места, на которые распространялась его деятельность, невзирая на любые опасности, на непригодные для жизни условия. Наоборот, Джинни предпочитала самые отчаянные условия, самый тяжелый труд.

Потенциальная опасность для себя самой ее не волновала. В Афганистане она пропала на три недели, и в штаб-квартире фонда успели посчитать ее погибшей. Родные в Лос-Анджелесе уже собирались ее оплакивать, но тут она вернулась в лагерь – больная и обессиленная. Ее спасла местная семья, ухаживавшая за ней, пока она лежала с высокой температурой.казалось, Джинни готова взяться за наихудший из всех предлагаемых фондом вариантов. На нее всегда можно было рассчитывать. На ее счету были Афганистан, несколько мест в Африке,

Пакистан. Ее отчеты всегда были точными, вдумчивыми и очень полезными. Она даже выступала в Верховном комиссариате по правам человека – дважды в ООН и один раз в Женеве. Там она чрезвычайно доходчиво, остро, с должным пафосом описывала бедственное положение своих подопечных.

В Нью-Йорке она приземлилась совершенно без сил. Ей грустно было покидать женщин и детей, о которых она пеклась в лагере беженцев в ангольской Луэне. Сотрудники международных организаций пытались их расселить, преодолевая бюрократические препоны. Джинни охотно осталась бы там еще на полгода, лучше – на год. Трехмесячные командировки всегда казались ей слишком короткими. Этого срока едва хватало на знакомство с местными условиями, но задача состояла не в изменении этих условий, а в том, чтобы исчерпывающе о них доложить. На месте сотрудники делали все, что могли, но это было равносильно попыткам вычерпать чайной ложкой океан. По всему миру было слишком много людей в отчаянном положении, слишком много женщин и детей, попавших в ужасную ситуацию.

Тем не менее Джинни умела находить в своих занятиях радость, поэтому не могла дожидаться очередного задания. Ей не хотелось задерживаться в Нью-Йорке, праздники заранее вызывали у нее страх. Она предпочла бы провести их в утомительных трудах в каком-нибудь затерянном углу, где не существовало никакого Рождества, как не существовало его для нее. Ей не повезло очутиться в Нью-Йорке за три дня до Рождества – худшего для нее дня в году. Ей хотелось одного: добраться до своей квартиры, уснуть и проснуться, когда все будет позади. Праздник не означал для нее ничего, кроме боли.

Джинни было нечего декларировать на таможне, кроме резных деревянных поделок ребятишек из лагеря беженцев. При ней было иное богатство – никогда не оставлявшие ее воспоминания о встречах с разными людьми. Материальные блага ее не занимали, путешествовала она с потертым чемоданчиком, закинув за спину рюкзак. Работа не позволяла Джинни глядеться в зеркало, да ей и не хотелось. Самой большой ее роскошью и удовольствием был горячий душ, когда появлялась возможность его принять; а так Джинни довольствовалась холодным душем и мылом, которое возила с собой. Джинсы, фуфайки и футболки всегда были у нее чистыми, но неглажеными. Ей хватало того, что было, в чем ходить, – многие ее подопечные были лишены и этого; Джинни часто отдавала свою одежду тем, кому она была нужнее, чем ей. За три года она один-единственный раз нарядилась в платье, надела туфли на высоких каблуках и воспользовалась косметикой – ради сенатских слушаний, на которых она произнесла убедительную речь. В ООН и в комиссии по правам человека Джинни выступала в черных брюках, свитере, в туфлях без каблуков. Для нее было важно только содержание ее речи, послание, которое она старалась донести до слушателей, правда о зверствах, свидетельницей которых ей ежедневно приходилось становиться. За преступлениями, совершаемыми по всему миру против женщин и детей, она наблюдала из первых рядов партера. Ее долгом перед этими страдальцами было замолвить за них словечко, когда она возвращалась домой. Ее слово всегда обладало силой, она умела выжать слезу из тех, кто ей внимал.

Выйдя из терминала, Джинни глубоко вдохнула холодный ночной воздух. Прилетевшие на праздник торопились к автобусам и такси или обнимались с встречающими родственниками. Джинни молча наблюдала за ними темно-синими глазами цвета озерной воды. Синева ее глаз всех восхищала. Джинни задумалась, как добираться до города: автобусом-шаттлом или на такси. Она была совершенно вымотана, все тело ломило после дорогой дороги и сна в неудобной позе. Насмотревшись на нищету, она стыдилась тратить деньги на себя, но в этот раз решила себя побаловать. Подойдя к краю тротуара, она взмахнула рукой. К ней мигом подкатила машина.

Джинни открыла дверцу, забросила на заднее сиденье чемоданчик и рюкзак, села и захлопнула дверцу. Водитель, молодой пакистанец, спросил, куда ехать. Глядя на его имя в лицензии на перегородке, Джинни назвала адрес. Мгновение – и такси завияло в толчее

машин у аэропорта, устремляясь к автостраде. Странно было возвращаться к цивилизации из бедствующего края, где Джинни провела последние четыре месяца. Вернувшись домой, она всегда боролась с этим чувством, а потом, едва освоившись, снова уезжала. Она раз за разом просила не тянуть с новым заданием для нее, и чаще всего ей шли навстречу. Она была одним из ценнейших сотрудников, превосходила очень многих рвением и накопленным за три года опытом.

– Где ваша родина? В Пакистане? – спросила она водителя, когда он влился в транспортный поток, двигавшийся в направлении города. Водитель улыбнулся ей в зеркальце заднего вида. Он был молод, ему было приятно, что она угадала его происхождение.

– Откуда вы знаете, что я из Пакистана? – спросил он.

– Сама была там год назад, – ответила она с улыбкой и верно назвала его родной регион, еще больше удивив водителя. Мало кто из американцев знал что-либо про его родину. – Провела три месяца в Белуджистане.

– Что вы там делали? – Поток замедлился, и у водителя появилось время для разговора. Из-за близящегося праздника поездка обещала затянуться, и болтовня с водителем помогала Джинни не уснуть. Он был для нее ближе, чем большинство людей, с кем ей предстояло встретиться в Нью-Йорке: те казались ей иностранцами.

– Работала, – тихо ответила она, глядя в окно на пейзажи, которым полагалось быть знакомыми; увы, теперь Нью-Йорк был ей чужим. Она чувствовала себя бездомной – с этим чувством она жила с тех пор, как покинула Лос-Анджелес. Теперь она догадывалась, что другого настоящего дома у нее больше не будет, и не возражала против такой перспективы. Она уже не нуждалась в доме, палатки или лагеря было ей вполне достаточно.

– Вы врач? – Джинни вызвала у водителя любопытство.

– Нет, я работаю в организации по защите прав человека, – туманно ответила она, чувствуя ватные волны усталости в теплом, удобном такси. Ей не хотелось засыпать, пока она не доберется до квартиры, не примет душ и не залезет в постель. Она знала, что холодильник будет пуст; не беда, она поела в самолете. Этим вечером она больше не захочет есть, а завтра купит еды.

Дальше они ехали молча, Джинни не спускала глаз с силуэта Нью-Йорка. Красиво, ничего не скажешь, но для нее этот вид смахивал на декорацию для кино, это не было похоже на место, где живут люди из плоти и крови. Настоящие люди, которых она знала, жили в бывших военных казармах и в палаточных лагерях беженцев, а не в залитых светом небоскребах. С каждым годом, возвращаясь сюда, Джинни чувствовала себя все более чужой этому образу жизни. Но организация, предоставлявшая ей работу, базировалась в Нью-Йорке, поэтому благоразумие требовало не расставаться здесь с квартирой – скорлупой, в которую она ненадолго заползала раз в несколько месяцев, как рак-отшельник, нуждающийся в убежище. Джинни не испытывала к ней привязанности и не считала ее своим домом. Лично ей там принадлежали только коробки, которые она никак не удосуживалась разобрать. Ее сестра Ребекка собрала их, когда Джинни продала дом и уехала из Лос-Анджелеса, и отправила их следом за ней в Нью-Йорк. Джинни даже не знала, что в них, и не интересовалась этим.

Поездка до места отняла больше часа, и она заплатила таксисту щедрые чаевые. Он снова ей улыбнулся и поблагодарил. Нашарив в кармане рюкзака ключи, она вылезла из такси на холод. Похоже, ожидался снег. Она поставила свои вещи на тротуар и стала возиться с замком входной двери. Видавший виды фасад здания обдувало холодным ветром с Ист-Ривер, стывшей всего в квартале отсюда. Джинни жила в районе верхних Восьмидесятых улиц, недалеко от Ист-Энда; это место она выбрала из любви к прогулкам вдоль реки в теплую погоду, ей нравилось наблюдать за проплывающими по реке баржами. После долгих лет жизни в отдельном доме в Лос-Анджелесе Джинни предпочла снять в Нью-Йорке квартиру: менее угнетающе и при этом безлично – то, что ей требовалось.

Войдя в дом, Джинни поднялась в лифте на шестой этаж. Все в доме навевало на нее уныние. На нескольких соседских дверях висели рождественские веночки. Ее украшения к Рождеству больше не волновали; после переезда в Нью-Йорк она попала сюда к Рождеству только во второй раз. В мире было слишком много других поводов для размышлений, чем забота о елочке или о венке на двери. Джинни не терпелось попасть в фонд, но она знала, что несколько дней офис будет на замке. Она планировала почитать, поработать над отчетом о последней командировке, а также отоспаться. Отчет отнимет целую неделю, оставалось одно: притвориться, что никаких праздников нет в помине.

Включив в квартире свет, Джинни убедилась, что здесь все осталось по-прежнему. Старый продавленный диванчик с бруклинской распродажи выглядел в точности как раньше. Потертое подержанное кожаное кресло было самым удобным креслом за всю ее жизнь. В нем за чтением Джинни часто смаривал сон. Напротив дивана стояло второе кресло – гостевое, всегда пустовавшее за отсутствием гостей. Кофейным столиком служил старый металлический сундук с разноцветными наклейками, приобретенный в нагрузку к дивану. Имелся также маленький обеденный стол с четырьмя разнокалиберными стульями, на подоконнике осталось умершее комнатное растение, которое она собиралась выбросить еще в июле, но забыла, и оно превратилось в часть декора. Женщина, навещавшаяся сюда для уборки, выкинуть цветок не посмела. Несколько старых светильников заливали комнату теплым светом, телевизор, который хозяйка почти никогда не включала, зарос пылью. Новости Джинни узнавала по Интернету, предпочитая этот канал всем остальным. Меблировка спальни исчерпывалась кроватью, шкафом – тоже подержанным, и стулом. Стены оставались голыми. Язык не поворачивался назвать это уютным гнездышком, но ей было где спать и где держать одежду – чего еще? Уборщица приходила в ее отсутствие раз в месяц, при ней – раз в неделю.

Джинни оставила в спальне чемодан и рюкзак, вернулась в гостиную и села на диван – удобный, вопреки неказистому виду. Откинув голову на спинку, Джинни задумалась о пути, проделанном за последние 28 часов. Ощущение было такое, будто она побывала на другой планете и вернулась на Землю. От размышлений отвлек звонок сотового телефона. Кто бы это мог быть? Офис SOS/HR закрыт, а кому еще она могла понадобиться в десять вечера? Она выудила телефон из кармана куртки. Джинни включила его еще на таможне, хотя никому не собиралась звонить.

– Вернулась? Или все еще в дороге? – спросил радостный голос. Это звонила из Лос-Анджелеса ее сестра Ребекка.

– Только вошла, – с улыбкой ответила Джинни. Они регулярно обменивались SMS, но не разговаривали уже несколько месяцев. Она забыла, что предупредила сестру, когда вернется.

– Представляю, как ты устала, – сочувственно сказала Бекки. Она исполняла в семье роль кормилицы; Джинни всю жизнь полагалась на старшую сестру, хотя они уже три года не виделись. Беседа вот так при возможности, обмениваясь мейлами и SMS, они сохраняли близость. Бекки недавно исполнилось сорок, она была старше Джинни на четыре года. Бекки жила с мужем и тремя детьми в Пасадене; отец, медленно, но неуклонно запутывавшийся в паутине Альцгеймера, уже два года жил с ней. Жить один он больше не мог, но дочери не хотели отдавать его в дом престарелых. Их матери не было в живых уже десять лет. 72-летний отец, по словам Бекки, заболел, стал выглядеть на десяток лет старше. Он работал в банке, после смерти жены ушел на пенсию и утратил волю к жизни.

– Да, я устала, – призналась Джинни. – Ненавижу возвращаться в это время года. Думала, вернусь раньше и еще до Рождества опять сорвусь, но моя смена задержалась. – Она закрыла глаза, слушая голос сестры и борясь со сном. – Надеюсь, скоро меня опять отправят куда подальше. Пока что ничего не слышать. – Джинни радовалась мысли, что она не задержится в Нью-Йорке. Ее угнетала не квартира, а безделье в промежутке между командировками; в Нью-

Йорке она никому не была нужна. Здесь ей ничего не хотелось делать, кроме одного – опять удрать.

– А ты расслабься! Ты вернулась домой. Почему бы тебе не побывать у нас, пока тебя опять не отправят за моря-океаны? – Бекки уже предлагала сестре провести с ними праздники, Джинни отказалась, но она не унималась.

– Ну, знаешь... – невнятно пробормотала Джинни, стягивая с головы резинку; длинные светлые волосы рассыпались по спине. Она была очень хороша собой, но не отдавала себе в этом отчета и не уделяла внимания этой стороне жизни. Когда-то все было по-другому, но три года назад те далекие времена перестали для нее существовать.

– Ты бы приехала, пока папа хоть что-то соображает, – сказала Бекки. Джинни не была свидетельницей медленного, но неуклонного распада личности отца и не знала, насколько плохи стали его дела за последние месяцы. – На днях он заблудился в двух кварталах от дома, его привели домой соседи. Не мог вспомнить, где живет... Дети стараются за ним приглядывать, но им мало доверия, а нам самим за ним не уследить.

Бекки ушла с работы после рождения второго ребенка. У нее была многообещающая карьера в PR, но она отказалась от нее, чтобы растить детей. Джинни не была уверена, что это был правильный шаг, но Бекки, похоже, ни о чем не сожалела. Ее сын и две дочери уже достигли подросткового возраста и доставляли даже больше хлопот, чем раньше, хотя Алан отлично ей помогал. А тут еще отец... Муж Алан, инженер-электронщик, обеспечивал Бекки и детей всем необходимым и даже более того.

– Может, нанять для папы медсестру? Тебе стало бы легче, – озабоченно предложила Джинни.

– Он заартачится. Он все еще хочет независимости. А я уже гулять с собакой его не отпускаю – он дважды ее терял. Можно ждать только ухудшения, лекарства уже не помогают так, как раньше.

Врачи предупреждали, что лекарства только временно замедлят процесс, а потом помочь делу будет уже нечем. Джинни старалась об этом не думать, и вдалеке это получалось гораздо лучше. Бекки жила с реальностью день за днем, и Джинни чувствовала себя виноватой, отчего еще больше сочувствовала сестре, когда та звонила. Вернуться в Лос-Анджелес она не могла: это было бы смерти подобно. Уехав, она больше ни разу там не появлялась, и Бекки проявляла поразительное понимание, несмотря на необходимость одной заниматься отцом. Сейчас Бекки хотела от сестры одного: чтобы она побывала дома, пока не поздно. Она пыталась дать Джинни понять это, не усугубляя у нее чувство вины и не пугая. Но прогноз отцовского состояния был неутешительным, Бекки, что ни день, наблюдала в его состоянии зловещие перемены, особенно в последний год.

– На днях прилечу, – серьезно пообещала Джинни, хотя обе знали, что этого не случится, помешает очередное задание. – Ты-то как? – спросила она сестру. Она слышала голоса детей. У Бекки за целый день не было ни одной минутки для себя.

– Отлично. Перед Рождеством всегда кавардак, дети дома, спасу от них нет! Мы планировали взять их кататься на лыжах, но я не хочу бросать папу, так что девочки поедут с друзьями, а у Чарли новая подружка, его от нее не оторвать, и он в восторге, что мы не едем. Ему поступать в колледж, я все праздники с него не слезу!

От мысли, что племянник уже поступает в колледж, Джинни вздрогнула: как, оказывается, быстро бежит время!

– Ушам своим не верю!

– Я тоже. Марджи в январе шестнадцать, Лиззи вот-вот исполнится тринадцать. Куда сбегала от меня моя жизнь? В июне будет двадцать лет, как мы с Аланом женаты. Впечатляет, правда?

Джинни молча кивнула, размышляя. Она помнила их свадьбу, словно это было вчера. Она, шестнадцатилетняя, исполняла роль подружки невесты.

– Еще как впечатляет! Не верится, что тебе сорок, а мне тридцать шесть. В прошлый раз, помню, тебе было четырнадцать, и ты носила брекеты, а мне вообще десять!

Обе заулыбались от воспоминаний. Потом вернулся с работы Алан, и Бекки сказала, что ей пора.

– Бегу кормить его ужином. Непременно что-нибудь сожгу! Некоторые вещи не меняются: я по-прежнему никудышная кухарка. Слава богу, в Рождество мы ужинаем у свекрови. Никогда больше не прикоснусь к индейке! День Благодарения едва меня не добил.

Они были настоящей американской семьей, им было присуще все то, чего не было в Джинни.

Бекки всегда делала то, чего от нее ждали. Еще учась в колледже, она вышла замуж за школьного друга. После выпуска они с помощью родителей купили дом в Пасадене. Теперь у них было трое чудесных детей, она была образцовой мамой. Она возглавляла школьный родительский комитет, состояла вместе с сыном в «каб-скаутах», записала дочерей во все возможные кружки, помогала им с домашними заданиями, замечательно содержала дом, была превосходной женой для Алана. У них был крепкий брак, а теперь она еще и заботилась об отце, пока Джинни металась по миру, от войны к войне, от одного разоренного района к другому, пытаясь врачевать раны человечества.

Контраст между сестрами стал теперь гораздо ярче, чем когда-либо прежде, что мешало им друг друга уважать и любить. И все же старшей сестре было трудно понять жизненный путь, избранный в последние годы младшей. Она знала причины этого выбора, однако реакция Джинни казалась и ей, и Алану чрезмерной. Они оба надеялись, что Джинни бросит скитаться, вернется домой и заживет нормальной жизнью. Несмотря на все происшедшее, они думали, что пора уже пришла, иначе Джинни окончательно изменится, станет им чужой. Бекки боялась, что процесс уже не остановить, хоть и восхищалась делом сестры. Оба чувствовали, опасаясь за ее жизнь, что ей надо, пока не поздно, покончить с каждодневным риском. Бекки была уверена, что Джинни наказывает себя, но всему должен быть предел! Как ни благородно все это звучало, двух с половиной лет в диких углах, вроде Афганистана, должно было хватить с лихвой. Ей и Алану нелегко было представить, чем Джинни там занимается. Бекки помалкивала, не желая давить на младшую сестру, но ей требовалась ее помощь в уходе за отцом. Джинни сбегала на край света, и все трудные решения, все тяжелые моменты ложились на плечи Бекки. Джинни уехала до того, как их отец стал ускоренно сдавать, и совершенно не участвовала в жизни семьи.

– Я позвоню тебе завтра, – пообещала Бекки, прежде чем повесить трубку.

Обе знали, что завтрашний день будет нелегким: это была годовщина кардинальной перемены в жизни Джинни, когда в один миг исчезло все, чем она дорожила. Каждый год она мечтала забыть об этом дне или проспять его, но где там! Вот и этой ночью Джинни не могла сомкнуть глаз, снова и снова прокручивая в голове роковую пленку, как делала всегда, мысленно перебирая несостоявшиеся варианты развития событий, гадая, почему случилось так, а не иначе, как следовало поступить вместо того, как она поступила на самом деле... Но всякий раз получалось одно и то же: она оставалась одна, Марк и Крис гибли.

Они с мужем отправились справлять Рождество к друзьям. До праздника оставалось два дня. Обещали детей и Санта-Клауса, поэтому они взяли с собой Кристофера. Джинни не видела сделанных в тот вечер фотографий; Бекки тоже тяжело было смотреть на Кристофера на коленях у Санты, когда она собирала для сестры эти снимки, детские альбомы Криса, их с Марком свадебные фотографии. Теперь все это лежало в коробках, которые Джинни так и не открыла, свалив во второй, неиспользуемой спальне своей нью-йоркской квартиры. Джинни не знала,

что прислала Бекки в качестве реликвий ее прошлой жизни, потому что ей не хватало духу взять их в руки.

Джинни и Марк были золотой парой, телезвездами. Она была репортером и работала в прямом эфире, он был популярнейшим телеведущим. Красавцы, безумно друг друга полюбившие, они поженились, когда перед 29-летней Джинни открывалась блестящая карьера, а Марк уже был звездой. Через год родился Крис. У них был дом-сказка в Беверли-Хиллз и вообще все, чего они могли захотеть, все друзья и знакомые по-хорошему завидовали им.

В тот вечер она посадили Криса на заднее сиденье. На трехлетнем мальчугане был красивый бархатный костюмчик и клетчатый галстук-бабочка. Ему не терпелось взгромоздиться на колени к Санте. Марк выпил с мужчинами у бара бокал вина. Потом Джинни доверила сына мужу и тоже выпила вина. Почти все родители держали бокалы, у всех было праздничное настроение. Никто не напился допьяна, Марк тоже был, на взгляд Джинни, в порядке, когда они повезли Криса домой, чтобы уложить спать. Потом она тысячу раз повторяла, что не подозревала, что Марк был пьян, как будто это что-то могло изменить... Вскрытие показало, что содержание алкоголя в его крови превысило верхнее значение нормы – не сильно, но достаточно, чтобы повлиять на рефлексы и замедлить реакцию. Пока она не спускала глаз с Криса и болтала с другими мамами, он, очевидно, опрокинул больше одного бокала. Зная, каким ответственным человеком был Марк, Джинни не сомневалась, что он не считал, что превысил норму, иначе передал бы руль ей или вызвал бы такси.

По пути домой, на трассе, под начавшимся дождем они вылетели на встречную полосу и столкнулись в лоб с восьмиосной фурией, расплющившей автомобиль. Марк и Крис умерли на месте. Джинни месяц пролежала в больнице с переломом шейного позвонка и обеих рук. Чтобы достать ее из машины, спасателям пришлось резать металл. Джинни не сказали, что стало с сыном и с мужем, она узнала об этом на следующий день от Бекки, проведенной в больнице целые сутки. В одно мгновение прервались три жизни: их и Джинни. Больше она в свой дом не возвращалась, велев Бекки избавиться там от всего, кроме того небольшого, что та потом собрала и отослала сестре в Нью-Йорк.

Пока заживала шея, Джинни жила с Бекки. Ей невероятно повезло. Перелом произошел достаточно высоко, Джинни не парализовало, хотя она целых полгода носила ошейник-ортез. Она уволилась с работы, сторонилась друзей, никого не желала видеть. Она не сомневалась, что сама виновата в трагедии: не надо было пускать Марка за руль. В тот вечер она решила, что они с мужем выпили всего по бокалу вина, потому что Марк редко выпивал больше; а сама она не любила ездить по шоссе в темноте. Ей не пришло в голову спросить его, сколько он выпил, ведь он выглядел вполне трезвым. Потом она мучила себя: спросила бы – села бы за руль сама, и тогда Марк и Крис остались бы живы... Бекки знала, что сестра ни за что себя не простит, что бы кто ни говорил. Ничто не могло изменить факта: муж и трехлетний сын Джинни были мертвы.

Она переехала в Нью-Йорк в апреле, ни с кем не попрощавшись, и потратила месяц на поиск работы в какой-нибудь из правозащитных групп. Ей хотелось одного: удрать как можно дальше от прежней жизни. Бекки помалкивала о том, что знала, что сестра ищет смерти, мечтает погибнуть в одной из своих добровольных командировок – так обстояло дело, по крайней мере, в первый год. У Бекки сердце разрывалось из-за этого состояния сестры и невозможности ей помочь. Оставалось уповать на время, которое залечит ее раны и научит уживаться с тем, чего не изменить. Джинни перестала быть женой и матерью, потеряла обоих людей, которых любила больше всего на свете. Она перечеркнула карьеру, ради которой прикладывала раньше столько сил. Джинни была хорошим репортером и высоко котирировалась в своей телекомпании. Она была счастливой, успешной, полностью состоявшейся женщиной, а потом, в один миг, ее жизнь обернулась наихудшим кошмаром. Джинни никогда об этом не говорила, но сестра все знала и чувствовала, потому не напирала на нее по поводу отца. Джинни и без того досталось,

хватит с нее трагедий и утрат. Бекки не хватало духу требовать от нее большего, и она взвалила заботу об отце на себя, позволив Джинни рисковать жизнью в отдаленных уголках мира.

Все равно рано или поздно наступит момент, когда Джинни придется остановиться и посмотреть в лицо правде, как бы сильно она ни разогналась и как бы далеко ни забралась, потому что ее утрата была невозполнимой, и этого нельзя было изменить. Бекки молилась, чтобы сестра дожила до этого переломного момента. Ей всегда приносило облегчение возвращение Джинни в Нью-Йорк, пусть совсем ненадолго. По крайней мере, дома она была в безопасности. Общим трудно было поверить, что они не виделись почти три года, время летело слишком быстро. Бекки была занята семьей, а Джинни вечно трудилась в какой-нибудь далекой беспокойной стране, рискуя жизнью и искупая свои грехи.

Бекки повесила трубку в грустном настроении. Алан нагнулся, чтобы поцеловать жену. Бекки была красивой женщиной, но не сногшибательной, в отличие от сестры, особенно когда та, работая на телевидении, каждый день тщательно красилась и причесывалась. Даже без всяких ухищрений Джинни всегда превосходила старшую сестру красотой. На Джинни восхищенно оглядывались, а Бекки была просто симпатичной соседской девушкой.

– Все в порядке? – спросил Алан, озабоченно глядя на жену.

– Разговаривала с Джинни. Она в Нью-Йорке. Завтра годовщина. – Она выразительно посмотрела на мужа, тот кивнул.

– Раз вернулась в Штаты – навестила бы отца, – осуждающе сказал он. Алан устал от того, что Джинни заставляет Бекки тянуть весь воз. Бекки проявляла гораздо больше понимания, чем Алан, она всегда находила для сестры оправдание. Он считал это несправедливым.

– Она обещает приехать, – тихо ответила Бекки. Алан ничего не сказал, снял пиджак, уселся в свое любимое кресло и включил новости по телевизору. Бекки отправилась на кухню, разогревать ужин и думать о сестре. Их цели в жизни всегда сильно различались, но за последние три года эта разница превратилась в пропасть. Ничего общего у них уже не осталось, кроме родителей и истории детства. Теперь их жизни были разнесены на миллион миль.

Джинни думала о том же, входя в Нью-Йорке в ванную, включая душ, раздеваясь. У Бекки были муж, трое почти взрослых детей, дом в Пасадене, упорядоченная жизнь, а у нее не было никакого важного ей материального имущества, только квартирka с подержанной мебелью; в ее жизни никого не было, только люди в далеких странах, о которых она заботилась. Дождавшись, пока пойдет горячая вода, Джинни встала под душ. Вода текла по лицу, по худому стройному телу, смывая слезы. Джинни знала, что следующий день будет тяжелым. Так происходило год за годом, и она уже начинала недоумевать почему. Зачем она цепляется за жизнь? Ради кого? Какой в этом толк? С течением времени находить ответы на эти вопросы становилось все труднее, ничего не менялось, Марка и Криса было не вернуть. Джинни трудно было поверить, что она умудрилась протянуть без них эти три бесконечных года.

Глава 2

Назавтра проснувшуюся Джинни встретил ясный солнечный день. Холод в комнате свидетельствовал о том, что снаружи властвовал настоящий декабрь. Этот день, канун сочельника, Джинни ненавидела больше всего; а тут еще культурный шок и нарушение суточного ритма после перелета. Она повернулась на другой бок и снова забылась. Когда она проснулась еще через четыре часа, за окном уже посерело, пошел снег. Она нашла в буфете растворимый кофе и банку черствого арахиса – его пришлось выбросить. Идти на холод за покупками было лень. Голода она не чувствовала – обычное дело в этот день. Она побрела в пижаме в гостиную, стараясь не замечать фотографию Марка и Криса в серебряной рамке на обшарпанном письменном столе. В квартире было всего две их фотографии. На той, которую Джинни сейчас поставила, не заметить, Марк и Крис были сняты на втором дне рождения мальчика. Сев в кресло, она закрыла глаза. Некуда было деться от воспоминаний о событиях этого дня три года назад, когда они отправились в гости с Крисом в коротких штанишках и красном бархатном костюмчике с клетчатой «бабочкой». Как Джинни ни старалась прогнать эту картину, ничего не получалось. Воспоминания пересиливали: она снова и снова видела мысленным взором праздник, потом пробуждение в больнице и Бекки, сообщаящую ей о случившемся... Обе тогда разрыдались. Дальше в памяти зиял провал. Через месяц, когда Джинни выписалась из больницы, они заказали поминальную службу – ее Джинни почти не помнила, потому что с ней тогда случилась истерика. Потом она несколько недель лежала в постели в доме Бекки. В телекомпании проявили понимание и предложили вместо увольнения длительный отгул, но Джинни знала, что не сможет вернуться туда без Марка. Работать в новостях без него было бы бессмысленно и слишком больно.

Она жила на их накопления, на его страховку, на выручку от продажи дома. Этих средств хватило бы еще надолго даже при скудности оклада, выплачиваемого в SOS/HR. Она почти ничего не тратила, не желая попадать в ловушку жизненных удобств. Своих потребностей у Джинни не было, не считая замены сносившихся туристических башмаков и грубой одежды для путешествий. Джинни было все равно, как одеваться, что есть, где и как жить. Все, что раньше имело для нее значение, осталось в прошлом. Без Марка и Криса ее жизнь превратилась в пустую скорлупу, и единственным, что сохранило значение, была работа. Джинни не могла выносить несправедливости, которые наблюдала каждый день в странах всего мира, независимо от географического положения и своеобразия культуры. Она превратилась в борца за свободу, в защитницу женщин и детей – затем, как Джинни сама догадывалась, чтобы смягчить свою собственную вину: в ту роковую ночь она оказалась недостаточно бдительной и позволила мужу подвергнуть риску их троих. Джинни предпочла бы погибнуть вместе с ними, но милосердной жизни угодно было, чтобы она выжила. Ее наказание состояло в том, чтобы прожить остальную жизнь без них. Осознать это было почти превыше сил, потому Джинни и гнала от себя эти мысли, но в этот день их было невозможно избежать. Воспоминания были жестоки и бесцеремонны, как призраки.

Когда стемнело, она подошла к окну и засмотрелась на нью-йоркский снегопад. Снегу успело выпасть три-четыре дюйма. От красоты этого зрелища Джинни вдруг захотелось выйти и прогуляться. Пора было подышать, удрать от своих мыслей. Ее осаждали гнетущие мысленные картины, и она знала, что холод и снег отвлекут ее и хотя бы немного прочистят мозги. На обратном пути можно будет заглянуть куда-нибудь перекусить, у нее ведь весь день не было и маковой росинки во рту. Голода Джинни не испытывала, просто знала, что пора подкрепиться. Главное – сбежать из квартиры и от самой себя.

Джинни натянула два толстых свитера, джинсы, тяжелые башмаки на теплые носки, вязаную шапочку, накинула куртку. Надела капюшон, нашла рукавицы. То немногое, что у нее

теперь было, отличалось простотой и практичностью. Все свои драгоценности – подарки Марка – Джинни хранила в сейфе калифорнийского банка. О том, чтобы снова их надеть, нельзя было даже помыслить.

Сунув в карман кошелек и ключи, она выключила свет, захлопнула за собой дверь и спустилась на лифте вниз. Мгновение – и Джинни уже шла, жмурясь от снежинок, по Восемьдесят девятой улице в восточном направлении, к реке, глубоко вдыхая морозный воздух и выдыхая густой пар. Перейдя через дорогу по пешеходному мостику, Джинни остановилась у ограждения и засмотрелась на медленно плывущие по реке суда – буксир, две баржи, разукрашенный праздничными фонариками прогулочный кораблик. Доносившиеся оттуда музыка и веселые крики громко звучали в морозном вечернем воздухе.

На автостраде имени Ф. Д. Рузвельта почти не было машин. Джинни, глядя на воду, поневоле опять представляла Криса и Марка и думала о том, во что превратилась ее жизнь без них. Джинни посвятила ее другим людям, чтобы хоть кому-то приносить пользу, но сестра не ошибалась, боясь, что жизнь Джинни не дорога и что она склонна опасно рисковать собой. Другие считали ее храброй, одна Джинни знала, какая она трусиха и как надеется погибнуть, чтобы не жить всю остальную жизнь без мужа и сына.

Уставившись на водную рябь внизу, она подумала, как просто было бы перелезть через ограду и съехать в воду. Насколько это проще, чем жить без них! Со странным спокойствием Джинни воображала, как быстро утонет. Она не сомневалась, что ее, одетую, как капуста, быстро утянет ко дну течением. Какая соблазнительная мысль! О сестре и об отце не думалось. У Бекки своя жизнь и семья, они перестали видаться, а отец не поймет, что не стало его младшей дочери. Чем больше она об этом думала, тем удачнее представлялся этот момент, чтобы разом со всем покончить.

Она уже собралась перелезть через ограду, но вдруг периферийным зрением поймала какое-то шевеление, вздрогнула и повернула голову в ту сторону. Ей мешал капюшон, поэтому она увидела только вспышку света внутри домика аппаратной и услышала, как хлопнула дверь. Там кто-то прятался. Вдруг неизвестный собирается на нее напасть? Одно дело – прыгнуть в реку и утонуть, это при ее теперешнем настроении казалось привлекательным, и совсем другое – получить по башке от громилы из сарая, да еще выжить после этого! Но уходить от реки не хотелось. У Джинни уже составилась план, как утопиться, дальше ждать не было смысла. Ей казалось поэтичным и привлекательным свести счеты с жизнью в один день с ними, пусть и спустя три года. Стремление к порядку подсказывало, что если покончить с собой, то именно сегодня. Ей не приходило в голову, что это слишком, что горе заслонило разум. Решение выглядело разумным. Отказаться от своего плана и сбежать только потому, что поблизости, в аппаратной, кто-то прячется, – нет уж, дудки! Джинни немного подождала, чтобы внезапное нападение не помешало ее замыслу. Оттого, что решение было принято, душевная боль отпустила. Выбор был сделан.

Сначала из аппаратной не доносилось ни звука, потом Джинни услышала какую-то возню и глухое покашливание. Ей стало любопытно. Раз человек кашляет, то он может хворать и нуждаться в помощи. Как ей сразу не пришло это в голову? Она несколько минут смотрела на домик, потом смело подошла и постучала в дверь. Вдруг там женщина? Впрочем, краем глаза Джинни как будто видела мужскую фигуру; в любом случае неизвестный спрятался в своем убежище слишком быстро.

Немного постояв перед дверью, Джинни постучала опять. Не хотелось самой распахивать дверь и заставлять людей врасплох. Ответа не было, и Джинни постучала в третий раз. Больному она была готова оказать помощь. Сделав это, она вернется к осуществлению прерванного плана. Она была классической самоубийцей, и то, что самоубийство немного откладывалось, ничего не меняло. Не проходило дня, чтобы она не столкнулась с чьим-нибудь сознательным уходом из жизни, и такие вещи Джинни больше не шокировали.

– Вы в порядке? – спросила она громко и твердо. Ей не ответили, и она уже собиралась уйти, но тут услышала тихий голос:

– Все хорошо.

Какой молодой голос! Мужской или женский – не разобрать. Вступил в дело инстинкт, она забыла о себе.

– Вы замерзли? Вы голодны?

Долгая пауза, человек в домике вроде бы задумался.

– Нет, я в порядке. – Все-таки паренек. – Благодарю.

Джинни улыбнулась. Вежливый какой! Она хотела уйти, вернуться к выполнению своего плана, хотя этот эпизод заставил ее помедлить и отвлек. Той решительности, как несколько минут назад, уже не было, но Джинни все равно зашагала обратно к ограде. При этом она поневоле гадала, что за люди в аппаратной, что они там делают...

– Эй! – окликнул ее голос.

Джинни удивленно оглянулась и увидела растрепанного мальчонку лет одиннадцати-двенадцати, с лицом цвета некрепкого кофе, в футболке, драных джинсах и кедах. Он смотрел на нее диким взглядом яркой, какой-то стальной синевы.

– У вас есть еда?

Джинни была поражена тем, как мало на нем надето для такого холода.

– Я могу принести. – Она знала, «Макдоналдс» неподалеку, потому что, бывало, там завтракала и ужинала.

– Не надо. – У мальчика был разочарованный вид, стоя в двери аппаратной, он трясся от холода. Этот домик, почему-то оставшийся незапертым, он использовал для ночлега.

– Хочешь, я что-нибудь тебе принесу? – снова предложила Джинни.

Мальчик помялся, покачал головой и исчез в домике. Джинни вернулась к ограде и опять устала на реку. То, что только что казалось правильным, сейчас уже отталкивало. Она уже хотела идти домой, как вдруг синеглазый паренек с кудлатой черной шевелюрой очутился рядом с ней.

– Я могу пойти с вами, – предложил он, отвечая на ее намерение накормить его. – Я могу заплатить.

Глядя на него, отважно пытающегося унять дрожь, Джинни понимала, что в этот раз не прыгнет в реку и не умрет. Вместо этого она накормит ребенка. Она начала стаскивать с себя куртку, чтобы укутать его, но он гордо отказался. Бок о бок они двинулись прочь от реки. Вместо того чтобы умереть, покончить со своим несчастьем в редком для нее приступе малодушия, Джинни шла ужинать с незнакомым мальчишкой.

– В двух кварталах отсюда есть «Макдоналдс», – сказала она ему на ходу. Она старалась шагать быстро, чтобы он не слишком замерз, но, дойдя до ресторана, убедилась, что он весь дрожит и едва ли не лязгает зубами от холода.

Яркий свет позволил разглядеть его как следует. Таких синих глаз она еще не видывала. Лицо у него было еще детское, совершенно невинное. Не иначе, их дорожкам этим вечером суждено было пересечься. В ресторане было тепло, но мальчик все равно прыгал на месте, чтобы быстрее согреться. Ей хотелось обнять и пригреть его, но она не осмеливалась.

– Что ты будешь? – ласково обратилась она к нему. Он застыл в нерешительности. – Не стесняйся! Уже почти Рождество, побалуй себя!

Он, улыбаясь, заказал два «Биг-Мака», картошку и большую «колу», Джинни – один «Биг-Мак» и маленькую «колу». Она расплатилась, и они сели за столик ждать заказа. Он был готов через пару минут. Мальчик успел согреться и перестал дрожать. Он с какой-то мстительностью набросился на еду и только за вторым бургером перестал жевать, чтобы поблагодарить Джинни.

– Я бы сам мог за себя заплатить, – смущенно пробормотал мальчик. Она кивнула.

– Не сомневаюсь. Просто сейчас моя очередь.

Он кивнул. Наблюдая за ним, она гадала, сколько ему лет. Какой потрясающий цвет глаз!

– Как тебя зовут? – осторожно спросила она.

– Блу Уильямс. Блу – имя, а не кличка. Мама так назвала меня из-за цвета моих глаз¹.

Джинни покивала. Она бы тоже так сделала.

– Я – Джинни Картер. – Она подала ему руку. – Сколько тебе лет?

Он подозрительно покосился на нее, чего-то испугавшись, и выпалил:

– Шестнадцать!

Не вызвало сомнения, что это неправда. Он, похоже, боялся, что Джинни сдаст его в Службу охраны детства. С шестнадцатилетним так поступить уже нельзя.

– Как насчет ночевки в приюте? – предложила она. – В аппаратной небось холодно. Если хочешь, я могу тебя отвезти.

Он решительно помотал головой и одним махом выдул половину своей «колы». Он уже съел оба бургера и почти всю картошку. Видно было, как он изголодался – не иначе, давно не ел.

– Мне и в сарае хорошо. У меня спальный мешок, в нем тепло.

Джинни засомневалась, что так оно и есть, но спорить не стала.

– Давно ты живешь так, один? – Парнишка мог оказаться беглецом, которого ищут. Если так, там, откуда он удрал, ему было, наверное, хуже, чем на улице, иначе он вернулся бы домой.

– Несколько месяцев, – немного туманно ответил он. – Не люблю приюты. Там полно психов. То тумачков навешают, то ограбят. Многие болеют, – рассказывал он со знанием дела. – Лучше уж так.

Ей хотелось верить ему, она слыхала о насилии в приютах для бездомных.

– Спасибо за ужин, – с улыбкой сказал он. Сейчас он был еще больше похож на маленького мальчика, какие там шестнадцать лет! Было видно, что он еще не бреется и, несмотря на свою тяжелую жизнь, остается ребенком – уже умудренным жизнью, но все равно ребенком.

– Хочешь еще чего-нибудь? – спросила Джинни.

Он помотал головой. Они встали из-за стола. Прежде чем выйти, Джинни заказала еще два «Биг-Мака», картошку и «колу» и, получив заказ, сунула пакет мальчику.

– Вдруг опять проголодаешься.

От благодарности он, беря пакет, вытаращил глаза. Они вышли на улицу и зашагали назад тем же путем, каким пришли. Холод не позволял медлить. Снег еще падал, но ветер стих. Они быстро достигли аппаратной. У двери Джинни расстегнула молнию на куртке, сняла ее и отдала мальчику.

– Я не могу забрать ее у вас! – стал отказываться он, но Джинни настаивала, стоя под снегом в двух толстых свитерах. При минусовой температуре у него, в одной футболке, опять зуб на зуб не попадал.

– Дома у меня есть другая, – заверила Джинни мальчика, и он медленно, не переставая благодарить, надел куртку. Она была на толстой подкладке и не пропускала ветер. Он с улыбкой посмотрел на Джинни.

– Благодарю вас за ужин и за одежду.

– Что ты делаешь завтра? – спросила она так, будто он имел насыщенный график, а не просто пытался выжить в холодном домишке. Может, он наврал насчет спального мешка? – Как насчет совместного завтрака? Или подбросить тебе чего-нибудь еще?

– Я никуда не денусь. Днем я обычно вылезаю, чтобы меня здесь не застукали.

– Если хочешь, я приду с утра, – предложила она. Блу удивленно кивнул.

– Зачем это вам? Разве вам не все равно? – спросил он, вспомнив о подозрительности.

¹ Blue (англ.) – синий; имеет также значение «грустный».

– Почему бы нет? Ну, до завтра, Блу. – Джинни улыбнулась и помахала ему рукой.

Оглянувшись на ходу, Джинни уже его не увидела – он скрылся в своей аппаратной. Ей стало легче на душе: на нем ее куртка, она снабдила его едой. О недавнем намерении прыгнуть в реку Джинни и думать забыла. Сейчас, вспомнив об этом, она сочла такое желание бессмыслицей. Морщась от щекотных снежинок, Джинни улыбалась, думая об этом странном знакомстве. Найдёт ли она его завтра на прежнем месте? Может, и нет. Но в любом случае он дал ей гораздо больше, чем она ему. Она дала Блу куртку и еду и при этом совершенно точно знала, что, если бы не его внезапное появление словно бы ниоткуда, она бы сейчас уже лежала на дне реки. Входя в квартиру, она с дрожью осознала, как близка была в этот вечер к тому, чтобы перестать жить. В ту минуту это казалось так просто! Перелезть через ограду, войти в воду – и исчезнуть. Вместо этого ее спас бездомный синеглазый мальчишка по имени Блу. Засыпая, Джинни вспоминала его. Впервые за много месяцев ей не снились кошмары. Благодаря ему она пережила скорбную годовщину. Сам того не зная, он спас ей жизнь.

Глава 3

На следующий день Джинни проснулась рано и увидела, что снегопад прекратился. Снега выпал добрый фут, небо оставалось серым. Она быстро приняла душ и оделась, чтобы уже в 9 быть у аппаратной. Джинни вежливо постучала в дверь, ей ответил сонный голос. Наверное, Джинни его разбудила. Блу просунул голову в дверь. На нем была ее куртка, он не вылез из спального мешка.

– Разбудила? – виновато спросила Джинни, Блу с ухмылкой кивнул. – Завтракать хочешь?

Он ответил улыбкой и стал скручивать спальный мешок, чтобы забрать его с собой, на случай если в домик заберется кто-нибудь другой и присвоит его драгоценность. Остальные его пожитки умещались в нейлоновой спортивной сумке. На сборы Блу хватило пары минут. Они устремились в «Макдоналдс». Там он первым делом наведлся в туалет, чтобы выйти причесанным и умытым.

– Между прочим, с Рождеством! – вспомнила она, синхронно с Блу впиваясь зубами в кекс. Себе она взяла кофе и кекс, Блу заказал два яичных «Макмаффина» с беконом и жареной картошкой. У паренька был здоровый аппетит, как и полагается растущему организму.

– Не люблю Рождество, – тихо отозвался Блу, отхлебнув горячего шоколаду со взбитыми сливками.

– Я тоже, – с отсутствующим выражением сказала Джинни.

– У вас есть дети? – Она вызывала у него любопытство.

– Нет, – просто ответила она. – Раньше был. – В этом ответе содержалось больше информации, чем ему требовалось и чем хотела дать она сама. – Где твои мама с папой, Блу?

Они уже поели, Джинни допивала кофе. Странно было, что такой мальчик оказался на улице.

– Умерли, – так же тихо ответил он. – Мама – когда мне было пять лет. Отец – несколько лет назад, но до этого я его давно не видел. Он был плохой человек, а мама хорошая. Она заболела. – Он осторожно покосился на Джинни. – Я жил с тетей, но у нее свои дети, для меня там места не было. Она медсестра. – В его взгляде опять появилась подозрительность. – Вы из полиции?

Джинни отрицательно помотала головой, и он поверил.

– Социальный работник?

– Нет. Я работаю в правозащитной организации, летаю в далекие станы, забочусь там о людях, когда у них война или просто очень трудно живется. Африка, Афганистан, Пакистан и так далее. Работаю в лагерях беженцев, там, где есть раненые, больные, пострадавшие от правительства. Поработаю немного – и опять на новое место.

– Зачем вам это? – Джинни вконец заинтриговала его. Как трудно она живет!

– Хочу делать добрые дела.

– А это опасно?

– Иногда. Но, по-моему, оно того стоит. Я всего два дня как вернулась. Провела четыре месяца в Анголе. Это на юго-западе Африки.

– А зачем было возвращаться? – Загадочность ее занятий не стала для него меньше.

– На мое место прислали другого, а я домой. Фонд, на который я работаю, меняет нас каждые несколько месяцев.

– Вам нравится?

– Чаще да, чем нет. Иногда не очень, но два-три месяца можно потерпеть. К страху и неудобствам постепенно привыкаешь.

– Вам много платят?

Вопрос Джинни рассмешил.

– Нет, совсем мало. Это тот случай, когда просто занимаешься любимым делом. Условия обычно суровые. Иногда душа уходит в пятки от страха. А ты? В школу ходишь?

Блу помялся, прежде чем ответить.

– В последнее время нет. Ходил, пока жил у тетки. Теперь времени нет. Подрабатываю, когда получается.

Она кивала, удивляясь про себя, как он живет на улице – без родных, без денег. Если ему было столько лет, как она подозревала, его задачей было не попасться сотрудникам Службы охраны детства, иначе его ждал бы арестный дом для несовершеннолетних правонарушителей или приемная семья. Джинни огорчило, что Блу не учится и сам борется за жизнь.

Они поболтали еще несколько минут и вышли на улицу. Он сказал, что вернется в аппаратную после наступления темноты. Проводить сочельник в таком месте было слишком тоскливо, и, глядя на него, она приняла решение.

– Хочешь провести немного времени у меня дома? Ночевать можешь вернуться в аппаратную. Захочешь – посмотришь телевизор. Мне сегодня все равно нечего делать.

Раньше она хотела накормить ужином постояльцев приюта для бездомных. Это выглядело неплохим вариантом: лучше помогать другим, чем жалеть себя и ждать, пока кончится праздник. Услышав ее предложение, Блу заколебался: пока еще он не полностью ей доверял и не очень понимал причину ее доброты к нему, но что-то ему в Джинни нравилось; если все, что она говорит, правда, то она хороший человек.

– Ладно, может, и загляну, – согласился он, и они вместе пошли дальше по улице.

– Я живу в квартале отсюда, – объяснила Джинни. Несколько минут – и они были на месте. Она отперла дверь, он вошел вместе с ней в холл, в лифт. Джинни открыла ключом дверь квартиры. Войдя, Блу принялся озираясь, разглядывать неказистую мебель, голые стены. Потом удивленно улыбнулся.

– Я думал, у вас уютнее...

Джинни прыснула. Он был вежливым, но правдивым. Юность обычно откровенна.

– Ну да, переехав сюда, я не тратила время на уют. Я подолгу отсутствую, – со смущенной улыбкой объяснила Джинни.

– У моей тети трое детей и квартира с одной спальней там, в жилом районе... – Джинни догадалась, что он имеет в виду Гарлем. – Но даже у нее получше, чем здесь.

Теперь прыснули они оба, Джинни смеялась даже громче Блу. Заключение бездомного мальчишки, что ее квартира – безрадостная конура, прозвучало окончательным приговором. Оглядевшись, Джинни не могла с ним не согласиться.

– Сядь в это кресло, знаешь, какое удобное! – Она показала, куда сесть, и сунула Блу дистанционный пульт. В его присутствии она не испытывала ни капли смущения. От него не исходило никакой опасности, она чувствовала в нем родственную душу. Оба были – каждый по-своему – бездомными. Прежде чем усесться, он побродил по комнате, увидел на ее письменном столе фотографию Марка и Криса, долго смотрел на нее, потом перевел взгляд на Джинни.

– Кто они?

Блу почувствовал, что это важные для нее люди, за фотографией скрывалась какая-то история. Своим вопросом он застал Джинни врасплох. Она целую минуту приводила в порядок дыхание, прежде чем ответить как можно спокойнее:

– Мои муж и сын. Они погибли три года назад. Три года исполнилось как раз вчера. – Она очень старалась придать своему голосу бесстрастность.

Блу сначала молчал.

– Жалко, – проговорил он наконец. – Очень грустно.

У него самого был не меньший повод для грусти: мальчишка лишился родителей и дома, выживал на улице. Джинни официально не числилась бездомной, но гибель Марка и Криса навсегда изменила ее жизнь и отправила в безрадостный дрейф.

– Автомобильная авария, – объяснила Джинни. – Поэтому я стала путешественницей. Мне не к кому возвращаться. – Это прозвучало так жалобно, что ей самой сделалось тошно. – Но я люблю свое занятие, у меня неплохо получается. – Она не стала рассказывать про их чудесный дом в Лос-Анджелесе с прекрасной обстановкой, о своей прерванной на взлете карьере, о том, что раньше она каждый день наряжалась, как в театральную ложу, а не как на воинский марш-бросок. Все это осталось в прошлом. Теперь Джинни жила в крохотной квартирке с разномастной вытертой мебелью, подобранной на обочине или приобретенной за гроши, как будто наказывала себя за случившееся. Это был ее собственный вариант власяницы и пепла в волосах. Но Блу был еще мал, чтобы это понять, поэтому Джинни больше ничего не сказала. Он включил телевизор и стал переключать каналы. Она заметила его интерес к своему ноутбуку. Другая на ее месте испугалась бы, что Блу его украдет, но ей не приходили в голову такие мысли. Через час, пресытившись телевизором, он попросил разрешения воспользоваться компьютером. Джинни не возражала.

Она увидела, что Блу заходит на сайты для бездомной молодежи, где можно было обмениваться посланиями. Он ничего не писал, но Джинни показалось, что он что-то ищет.

– Друзья оставляют тебе сообщения? – с интересом спросила она. Она ничего не знала о мире Блу. В Интернете он, похоже, ориентировался не хуже, чем на улицах.

– Тетка, иногда, – не стал он запираться. – Беспокоится обо мне.

– Ты ей не звонишь?

Он покачал головой.

– У нее и без меня полно проблем. Дети, работа... Она работает в больнице в ночные смены и оставляет детей дома одних. Раньше я их сторожил.

Четыре человека в квартире с одной спальней – неопишуемая теснота! Хорошо хоть, что Блу поддерживает связь с тетей в Интернете, подумала Джинни.

Блу снова пошел смотреть телевизор. Джинни проверила собственную электронную почту: писем не оказалось. Немного погодя ей позвонила сестра с раскаянием за то, что не позвонила накануне, в день печальной годовщины. Она собиралась, но не добралась до телефона.

– Мне так стыдно! Дети весь день мотали мне нервы, у папы прошлая ночь выдалась особенно тяжелой. У меня не было ни минуты для себя. Он вчера места себе не находил, все куда-то рвался, а у меня не было времени им заняться. В машине, вместе с детьми, он очень нервничает. Они очень громко включают музыку и все время болтают. В тишине ему лучше, так он может отдохнуть. Он плохо спит по ночам, я всегда волнуюсь, что он выйдет на улицу. Когда темнеет, ему становится хуже, в голове кавардак, от этого он злится. Это называется «заход солнца». В дневное время ему лучше.

Слушая сестру, Джинни поняла, как мало знает о болезни отца и как Бекки выбивается с ним из сил. Джинни ощущала свою вину, слушая все это, но все-таки не настолько, чтобы захотеть разделить с сестрой ее груз. Даже при разговоре с ней у Джинни было чувство, что ее придавило тяжелым валуном.

– Что ты делаешь сегодня вечером? – спросила Бекки. Ей всегда было страшно, что Джинни останется на Рождество одна.

Джинни не призналась, что встретила на улице бездомного мальчишку, дважды его накормила и привела к себе домой. Она сделала это для него, но он скрашивал ее одиночество. Просто она знала, что у Бекки это сообщение вызовет панику. Незнакомый бездомный мальчишка в квартире сестры – повод для острой тревоги, даже страха. Но Джинни несколько не беспокоилась, она знала, что от Блу не будет вреда. За последние годы она осмелела, даже при-

обрела вкус к риску – немудрено, после такого опыта в опаснейших странах мира! Несколько лет назад Джинни на это не пошла бы, но теперешняя жизнь здорово ее закалила, к тому же мальчик был сама воспитанность и уважительность, вел себя безупречно.

Джинни поделилась с Бекки своим намерением посвятить вечер кормлению бездомных в приюте, и через несколько минут они попрощались. К трем часам дня Блу и Джинни проголодались, и она спросила, чем ему хочется подкрепиться. В ответ на предложение китайской еды у него загорелись глаза, и Джинни заказала целый пир, который им доставили спустя час. Они устроились за столом на уродливых разномастных стульях, почти все умяли и сыто откинулись, ленись шевелиться. Блу переполз обратно в кресло, еще посмотрел телевизор и задремал. Джинни тихо заскользила по квартире, убирая то, что разбросала после приезда. В шесть Блу проснулся, увидел, что стемнело, и встал, признательно глядя на Джинни. Они отлично провели вместе день, она тоже была благодарна Блу. Его присутствие согрело ее квартиру, обычно такую холодную и неживую. Для него это и подавно было большой удачей: не пришлось слоняться по автовокзалу или по Пенн-Стейшн в поисках теплого угла, где он мог бы пересидеть день, прежде чем тащиться ночевать в аппаратную. Там уже не одну неделю был его дом. Блу знал, что рано или поздно этому наступит конец: какой-нибудь рабочий городских электросетей обнаружит его и выставит; но пока что он чувствовал себя там в безопасности.

– Мне пора, – сказал Блу, поднимаясь. – Спасибо, что накормили и приютили. – Он говорил серьезно, видно было, что ему грустно уходить.

– У тебя свидание? – спросила Джинни, дразня его задумчивой улыбкой. Ей тоже было грустно отпустить его.

– Нет, просто надо идти. Не хочу, чтобы мой домик занял кто-то другой, – ответил он, как будто и вправду боялся, как бы на его княжеские палаты кто-нибудь не посягнул. Он знал, что на улице нехватка уютных местечек, где счастливчика вряд ли потревожат.

Он натянул ее куртку. С ноющим сердцем Джинни ждала, пока он сходит в туалет и возьмет под мышку скатанный спальный мешок.

– Мы еще увидимся? – печально спросил Блу.

Обычно люди появлялись в его жизни ненадолго. Так много времени, как с ней, он уже много месяцев – с тех пор, как оказался на улице, – ни с кем не проводил. Люди исчезали, отправлялись в приюты или в другие города, находили кров где-нибудь еще. Повторные встречи происходили редко.

– Ты точно не хочешь переночевать в приюте? – Пока он спал, она ползала по Интернету и нашла несколько предложений ночлега, бесплатной еды, кое-какой работы и даже помощи в воссоединении с семьями для несовершеннолетних; надо было только захотеть ими воспользоваться, но Джинни знала, что Блу не захочет. Нормальный ночлег в тепле не был проблемой, но приют его отпугивал.

– Мне и так хорошо. Что вы делаете вечером? – спросил ее Блу, как давнюю подружку.

– Хочу присоединиться к добровольцам, раздающим ужин в приюте для бездомных. Раньше я уже занималась этим в Нью-Йорке. Чем не способ отпраздновать Рождество? Хочешь присоединиться ко мне?

Он покачал головой.

– Зря, там вкусно.

Но он до отвала наелся китайской еды и не испытывал голода.

– Тогда завтрак утром? – предложила Джинни. Он согласно кивнул, шагнул к двери, еще раз сказал «спасибо» и ушел.

Одеваясь, Джинни думала о нем. Она знала, что ее ждет утомительная работа: таскание тяжелых котлов, раздача сотен тарелок. Каждый вечер приют обслуживал тысячи людей, но Джинни радовалась шансу устать так, чтобы не вспоминать прошлое.

Она приехала на такси в Вест-Сайд и зарегистрировалась. На первые два часа ее определили на кухню, таскать тяжелые котлы с овощами, картофельным пюре и супом. Там было жарко, быстро стало ломить спину. Потом Джинни отправили на раздачу, раскладывать еду по тарелкам и вручать их голодным. В этот раз собрались главным образом мужчины; женщин было немного; настроение у большинства было приподнятое, звучали поздравления с Рождеством. Работая, Джинни думала только о Блу, мерзнущем в аппаратной.

Ближе к полуночи Джинни закончила работу и расписалась об уходе. Бродяги уже разошлись, добровольцы стали накрывать длинные столы для завтрака. Джинни пожелала всем веселого Рождества и ушла. По пути она заглянула на всюнощную в церковь и поставила свечи за упокой Марка и Криса и за здоровье Бекки с семейством и отца. В час ночи Джинни вернулась на такси домой. Из такси она вышла с принятым решением.

До аппаратной было рукой подать. Вокруг ни души, но Джинни была настороже на случай нападения. К счастью, нападать среди ночи было некому. Снова задул сильный ветер, подморозило. По словам таксиста, был сильный минус, ощущалось это как все десять градусов мороза. Она покосилась на ограду, у которой недавно стояла, собираясь с духом, чтобы спрыгнуть в воду, потом подошла к двери аппаратной и постучала – несильно, но достаточно громко, чтобы разбудить мальчика, тот наверняка спал. Пришлось стучать и стучать, прежде чем он ответил сонным голосом:

– Что такое? Кто там?

– Это я! Хочу с тобой поговорить, – сказала Джинни громко, чтобы он расслышал. Блу высунул голову в дверь и сморщился от ветра.

– Ну и холодрыга!.. – пробормотал Блу, еще толком не проснувшись.

– Вот именно! Почему бы тебе не пойти спать ко мне на диван? Рождество все-таки! У меня дома гораздо теплее, чем здесь.

– Нет, мне и так хорошо, – сказал он. Ему не приходило в голову перебираться к Джинни, не хотелось навязываться, она и так проявила к нему доброту. Но Джинни была полна решимости и не желала слушать возражения.

– Знаю, что тебе хорошо. Все равно я хочу отвести тебя к себе. Только разок. К утру обещают еще более сильный мороз. Не хватало, чтобы ты превратился в ледышку! Еще захвораешь.

Он заколебался, потом, словно не имея сил сопротивляться, приоткрыл дверь пошире. Он был полностью одет и обут. Осталось только захватить спальный мешок – и вот Блу уже плетется за Джинни по улице. Он слишком устал, чтобы спорить, да и не больно хотелось. Мысль о теплом доме была слишком соблазнительной, хозяйка казалась хорошей, с добрыми намерениями.

Они пришли в квартиру, и Джинни постелила Блу на диване: белье, две подушки, одеяло. Дала свою пижаму и предложила переодеться в ванной. Блу вышел оттуда, похожий на маленького мальчика в папиной пижаме, и устался на приготовленную для него аккуратную постель.

– Годится? – озабоченно спросила Джинни. Он заулыбался.

– Смеется, что ли? Никакого сравнения со спальным мешком.

Он не мог взять в толк, что происходит, почему она решила его облагодетельствовать. Ничего подобного он не мог представить даже в самых смелых мечтах. Оставалось пользоваться привалившим счастьем, пока волшебство не рассеялось. Она смотрела, как он залезает под одеяло, потом погасила свет и ушла к себе, переодеться и почитать перед сном. Удивительно, насколько приятно было сознавать, что в квартире есть другой человек; даже не видя его, она чувствовала его присутствие. Не вытерпев, Джинни заглянула в гостиную, удостоверилась, что он спит без задних ног, и улеглась сама, улыбаясь до ушей. Вопреки ожиданиям, Рож-

дество получилось лучше не придумаешь, такого у Джинни не было уже три года. Им обоим очень повезло.

Глава 4

Когда Джинни взялась варить себе утренний кофе, Блу явился в кухню в пижаме – вылитый Потерянный Мальчишка из «Питера Пэна». Джинни обернулась и встретила его улыбкой.

– Как спалось?

– Чудесно! Вы рано встали?

Джинни кивнула.

– Я еще в другом часовом поясе. Ты проголодался?

Она никак не могла унять с его кормежкой, тем более что, судя по его виду, ему требовалось именно это, да и растущий организм брал, наверное, свое.

Блу, стесняясь, ответил:

– Есть немножко... Но вообще-то не обязательно. Я привык есть раз в день.

– По необходимости или специально?

– И то, и другое.

– У меня вкусные оладьи, вот мюсли. Присоединишься? – Однажды, в приступе ностальгии, Джинни купила то и другое, а потом забыла в буфете. Сейчас она старалась не вспоминать оладьи Микки-Мауса, которые когда-то жарила для Криса. Оладьи ассоциировались у нее с сыном. Она знала, что к прошлому нет возврата.

– Звучит вкусно! – согласился Блу, глядя, как она заливает мюсли молоком. В морозильнике обнаружилось масло, в буфете – кленовый сироп.

После еды она позвонила Бекки, чтобы поздравить всех обитателей дома в Пасадене с Рождеством. На звонок ответил Алан, они немного поговорили, потом трубку взяла Бекки.

– Мне поговорить с папой или его это только запутает и расстроит? – спросила Джинни сестру. Вдруг отец не узнает ее голос, а если узнает, то будет еще хуже?

– Сегодня он сильно не в себе, принимает меня за маму, Марджи и Лиззи – за нас с тобой... По телефону он тебя точно не узнает, сегодня он бы тебя не узнал, даже если бы ты объявилась здесь.

– Представляю, как тебе достается! – сказала Джинни, чувствуя себя виноватой в том, что она не там.

– Что есть, то есть, – честно ответила Бекки. – Ты-то как? Чем сегодня займешься?

Она догадывалась, как тяжело дается Джинни Рождество в одиночестве, в компании призраков из прошлого.

– Знаешь, в этот раз я собираюсь провести праздник с другом, – задумчиво проговорила Джинни. Она разрешила Блу воспользоваться душем и теперь слышала, как он там плещется. Его одежду она решила пропустить через стиральную машину и сушилку на первом этаже, чтобы Блу встречал Рождество во всем чистом.

– Я думала, в Нью-Йорке у тебя нет друзей, – удивленно сказала Бекки. Она давно бросила уговаривать Джинни быть пообщительнее: сестра упорно отказывалась. Она объясняла, что ей хватает общения в командировках, а в Нью-Йорке ей никто не нужен, потому что она бывает там только наездами, на неделю-другую, редко дольше. К тому же ей бывало трудно объяснять людям свою ситуацию. Она не нуждалась в чужой жалости и ни с кем не хотела делиться своим горем. Других ее участь не касалась, а когда не желаешь открываться людям, как не желала Джинни, то о дружбе можно забыть. Она накрепко закупорилась, подобно устрице. Блу она поведала о Крисе и Марке больше, чем кому-либо за годы.

– Как не было, так и нет, – подтвердила Джинни. – Это недавнее знакомство.

Джинни знала, что сейчас последует.

– Мужчина?! – Было слышно, что Бекки шокирована.

– Не совсем. Мальчик. – Джинни не была уверена, что правильно поступает, пускаясь даже в эти скудные объяснения.

– В каком смысле «мальчик»?

– В таком: бездомный ребенок. Я пустила его к себе переночевать. – Сказав это, она была готова откусить себе язык. Они с Бекки уже не первый год жили, как на разных планетах. У Бекки были нормальная жизнь, семья, дом, ей было, чем рисковать. У Джинни не было ровным счетом ничего, и беспокоиться ей было не о чем.

– Ты впустила к себе домой на ночь бездомного? – в ужасе повторила за ней Бекки, по-своему расставив акценты. – Ты что, спишь с ним?

– Конечно, нет! Это же ребенок. Он ночевал в гостиной на диване. Он живет в аппаратной, здесь, неподалеку, а на улице сейчас минус десять. В такую ночь околотить недолго. – Вряд ли Блу, молодому и сильному, грозила такая участь, но мало ли что?

– Ты с ума сошла? Вдруг он возьмет и зарежет тебя во сне?

– Ничего такого не произойдет. Ему всего-то лет одиннадцать-двенадцать. Милейшее создание!

– Откуда ты знаешь, кто он такой? Он вполне может оказаться старше, чем говорит. Вдруг у него преступные наклонности?

Представить себе Блу, тонущего в ее пижаме, вынашивающим преступные замыслы, было Джинни не под силу. Она даже не удосужилась запереться на ночь в спальне. Такая мысль пришла ей в голову, но Джинни ее отмела. В нем не было ровным счетом ничего, что внушало бы страх.

– Поверь, это само очарование. Он не поднимет на меня руку. У меня в планах уговорить его переселиться в приют для несовершеннолетних. Остаться в такую погоду на улице – значит рисковать жизнью.

– Зачем ему на это соглашаться, раз ты уже впустила его к себе в квартиру?

– Начать с того, что я через неделю-другую опять отчаю. Он не сможет здесь остаться. – Блу уже появился в двери гостиной, опять в пижаме на много размеров больше. Он протягивал Джинни свою одежду для стирки, как они договорились. – Ладно, сейчас я не могу об этом распространяться. Иду в прачечную. Я позвонила пожелать вам всем веселого Рождества. Поцелуй от меня Алана, детей и папу.

– Джинни, выстави мальчишку вон! – сказала, вернее, крикнула Бекки. – Не то он тебя убьет!

– Не убьет, я же тебе сказала. Поверь мне. Поговорим завтра. Не забудь поздравить от меня папу.

Когда разговор окончился, Бекки в Пасадене в непритворном ужасе уставилась на мужа.

– Сестрица совсем рехнулась! – сказала она, чуть не плача. – Привела к себе в квартиру бездомного мальчишку и оставила его спать!

– Боже правый! Действительно, она не в себе. – Алан тоже встревожился, он совершенно не одобрял услышанное. – Или она срочно вернется к нормальной жизни, или поплатится головой.

– Все верно, но я-то что могу сделать? Торчу здесь, все мысли – как бы отец не потерялся или не угодил на улице под грузовик. А тут еще изволь беречь сестру от посягательства на ее жизнь какого-то бездомного, которого она затащила к себе ночевать! Нет, по ней плачет психбольница!

– Рано или поздно этим все и кончится, – с убитым видом согласился Алан. Он всегда предрекал, что Джинни в конце концов свихнется, не вынеся гибели мужа и сына. Но Бекки была права, помочь ей они были бессильны.

Блу в Нью-Йорке тоже было не до смеха.

– Кто это был? – испуганно спросил он.

– Моя сестра, она живет в Калифорнии. – Джинни забрала у него стопку одежды и собралась вниз, в прачечную. – Раньше я жила в Лос-Анджелесе, – объяснила Джинни приунывшему пареньку.

– Ты скоро опять уедешь? – обреченно спросил он. Он слышал, что она отвечала Бекки. Они только познакомились – и опять ему предстояла потеря.

– Пока что не знаю, когда и куда, – спокойно ответила Джинни. Она видела по его лицу, по выражению его синих глаз, как ему страшно опять оказаться брошенным. С хорошо вымытой головой, в чистенькой пижаме он опустился на диван. – Наверное, в январе, но пока еще точно не знаю. Потом я обязательно вернусь, я всегда так делаю. – Джинни попыталась подбодрить Блу улыбкой.

– Вдруг ты погибнешь? – прошептал он.

Джинни уже открыла рот, чтобы ответить: «По мне никто не станет горевать», но смолчала, видя по его лицу, что один человек, которому она небезразлична, уже появился, хотя они едва друг друга знали. От мысли, что она уедет, он был близок к панике.

– Я не погибну. Я уже два с половиной года этим занимаюсь. У меня получается. Я буду осторожна, не волнуйся. Лучше обсудим, чем займемся сегодня. Мы оба терпеть не можем Рождество, так что давай придумаем что-нибудь, не связанное с праздником. Чего бы тебе хотелось? Кино? Боулинг? Каток?

Он покачал головой, еще не оправившись от приступа страха.

– Я ходил в боулинг с тетей Шарлин до того, как... до того, как ей стало не до того.

Джинни догадалась, что Блу о чем-то умалчивает, но настаивать не захотела.

– Может, попробуем?

– Ладно, – согласился он, выдавливая улыбку.

– Потом можем сходить в кино и поужинать.

Все это звучало для него как предложения побывать в раю. Джинни хотелось порадовать его, пока он с ней. Кто знает, что будет потом? Им нужно было протянуть день, устроить себе приличное Рождество. Раньше у нее были другие планы: поваляться в постели, почитать, дописать отчет, но теперь карты легли иначе. Со всем этим можно было не торопиться.

Спустя час, после стирки и сушки на первом этаже, одежда Блу стала как новая. Джинни обзвонила несколько боулингов, нашла открытый, и они отправились туда. Оба играли не ахти, тем не менее доставили себе бездну удовольствия. Дальше в программе стояло кино. Джинни выбрала остросюжетную картину в формате 3D, которая должна была произвести на Блу сильное впечатление, и не прогадала. Таких эффектов он еще не видел и смотрел на экран завороженный. Поужинали они в закусочной, хот-догами, потом зашли в небольшую бакалею, купили еды и опять поднялись в квартиру. К этому времени стемнело, снова пошел снег. Джинни спросила, хочет ли Блу снова переночевать на диване, вместо того чтобы тащиться в аппаратную, и он ответил утвердительно. Джинни постелила Блу постель и оставила в гостиной, смотреть телевизор, а сама отправилась в ванную. Стоило Джинни улечься, как позвонила Бекки.

– Ты еще жива? Он еще тебя не убил? – Если она и шутила, то только наполовину. Весь день она провела в сильном беспокойстве за душевное здоровье сестры, боясь, что та по оплошности подвергнет себя смертельной опасности.

– Нет. Не дрейфь, ничего такого не случится. Рождество же, Бекки, пусть ребенок порадует. – Она не просто доставила Блу радость, она его осчастливила, и оба были от этого в полном восторге.

– Но завтра ты выпроводишь его подобра-поздорову?

– Там видно будет. Я хочу найти для него хорошее место. Приюты вызывают у него ужас.

– Господи, да опомнись ты! Пойми, я опасаюсь за твою жизнь. Он, видите ли, боится приютов! Где его семья?

– Пока еще не поняла. Оба родителя мертвы. Раньше он жил у тетки, но что-то там не заладилось.

– Это не твоя проблема, Джинни. На свете миллионы бездомных. Не можешь же ты всех их приютить! Всех сломленных, раненых, больных тебе все равно не исцелить. Ты бы о самой себе позаботилась! Почему бы тебе не поискать работу в Нью-Йорке? От всей этой гуманитарной деятельности у тебя, по-моему, развивается комплекс матери Терезы. Вместо того чтобы подбирать на улице бездомных сирот, могла бы навестить родного отца.

Последнюю реплику Бекки Джинни оставила без ответа: она слышала по голосу сестры, как та устала.

– У меня нет семьи и дома, Бекки, мне некуда и не к кому возвращаться, – напомнила Джинни. – Это позволяет мне посвящать жизнь другим.

– У тебя есть мы. Перебирайся обратно в Лос-Анджелес.

– Не могу. Я этого не переживу, – грустно ответила Джинни. – Канцелярская работа в Нью-Йорке тоже не по мне. Мне нравится то, что я делаю. Это приносит мне удовлетворение.

– Не можешь же ты до конца жизни мотаться по белу свету! Хочешь, чтобы у тебя было куда возвращаться, хочешь семью и дом – придется где-то осесть дольше, чем на десять минут, перестать наведываться в зоны военных действий и в лагеря беженцев. Живи реальной жизнью сейчас, Джинни, потом будет поздно. Слишком во все это втянешься – дальше уже не сможешь нигде закрепиться.

– А может, я и не хочу? – честно ответила на это она.

Потом Бекки понадобилось взять младшую дочь к подруге, и разговор, к счастью, завершился. Остаток вечера Джинни читала, Блу смотрел в гостиной телевизор. Когда она в десять часов заглянула к нему, Блу уже мирно спал в своей постели – на диване, зажав в руке пульт от телевизора. Джинни аккуратно забрала у мальчика пульт и положила рядом, укрыла Блу одеялом и погасила свет. Вернувшись в спальню и закрыв дверь, она взяла книгу – и зачиталась до полуночи. В голове звучали слова Бекки. Джинни знала, они уверены, что она сошла с ума, раз взяла в свой дом Блу, но сама она не сомневалась, что поступила именно так, как ей было нужно в этот момент. Потом у нее будет время как следует во всем разобраться. Сначала она хотела убедить мальчика связаться с тетей – пусть та знает, что он в полном порядке. После этого Джинни определит его в хороший приют, где о нем станут заботиться. Пока что Блу был ее миссией. К моменту своего очередного отъезда Джинни постарается передать его в хорошие руки. Она была твердо убеждена, что их пути пересеклись не просто так, и не собиралась перечить судьбе. Джинни было предначертано проводить Блу до безопасной гавани, и она поклялась себе, что доведет это дело до успешного завершения. Джинни погасила свет и уже через две минуты крепко уснула.

* * *

Пока Джинни готовила для Блу завтрак, он вошел в Интернет и стал проверять различные сайты. Он снова проявлял интерес к сайтам для молодежи и бездомных, где люди оставляли друг для друга сообщения. Читая содержимое одного из таких сайтов с особенным вниманием, Блу напряженно хмурился. Она поставила рядом с компьютером тарелку с яичницей и увидела, что заинтересовавшее его сообщение подписано некой Шарлин: та просила Блу позвонить ей. Понятно было, что это его тетя, он уже называл ее имя. Джинни мельком взглянула на экран через его плечо, решив потом самостоятельно зайти на тот же сайт. Она собиралась списаться с Шарлин, чтобы больше узнать о Блу и понять, как правильно распорядиться его судьбой к моменту своего отъезда из Нью-Йорка.

После завтрака она завела с Блу разговор про то, как он будет жить дальше.

– Возвращаться в аппаратную уже нельзя, Блу. Холод-то какой! Рано или поздно городские службы повесят на ее дверь замок.

– Найдется другое местечко, – уперся Блу, гордо выпятив подбородок. Потом поднял на нее глаза – и смягчился. – Но до твоей квартиры им всем далеко.

– Пока я здесь, ты можешь оставаться со мной, – великодушно разрешила она. До появления Блу она сама не сознавала, насколько чудовищным было ее одиночество. Это дошло до нее только сейчас. – Но в январе мне придется вернуться к работе, а значит, снова на какое-то время улететь. Поэтому давай до моего отъезда найдем тебе подходящее, хорошее место.

– Только не приют! – снова заупрямился он.

– Есть места, куда надолго берут бездомных ребят. Некоторые вполне приличные – сам проверишь, если захочешь.

Она уже начала обследовать такие места – пока только в Интернете. Назвать положение идеальным было нельзя, но у Блу, по крайней мере, появится крыша над головой, место, где можно будет ночевать, питаться, спрашивать при необходимости совета, даже получить работу. Хотя для работы он еще был слишком мал.

– В приюте обязательно обдерут как липку. А ребята – через одного наркоманы, – сказал он. Сам-то он определенно наркотиками не баловался, что было удивительно, учитывая, как ему доставалось.

– Мы обязательно что-нибудь придумаем. Взять тебя с собой я никак не смогу.

Можно было подумать, что Джинни его усыновила, так ее теперь заботила ситуация с крышей у него над головой, хотя на самом деле он был просто пташкой, случайно присевшей на ее ветку. У него не было выбора, придется взлететь, когда взлетит Джинни; но ей было нужно, чтобы после ее отлета он снова не оказался в беде.

– Мне всего-то и надо, что место, где приткнуться, и какой-никакой заработок, – сказал Блу. Это было довольно утопично для паренька его возраста, будь он хоть семи пядей во лбу. Никто не предоставлял работу мальчишкам 11–12 лет, не считая торговцев наркотиками в неблагополучных районах, но таких занятий Блу, похоже, сторонился.

– Так сколько тебе лет, Блу? Только давай честно, – сказала Джинни с самым серьезным выражением лица. Он ответил не сразу – явно соображал, достойна ли она правдивого ответа.

– Тринадцать, – еле слышно проговорил Блу. – Но я много чего умею, с компьютером я на «ты» и силенок хватает. – От недоедания он исхудал, но возмещал нехватку веса рвением.

– Давно ты не ходишь в школу? – спросила она, боясь, что Блу не учится уже не один год.

– С сентября. Мой класс – восьмой.

– Выходит, в следующем году тебе надо переходить в среднюю школу. – Она задумалась, не спуская с него глаз. Если бы ее Кристофер остался жив, ему сейчас было бы шесть лет. У нее не было опыта общения с подростками, не считая племянника; но пока тот подрастал, она была слишком занята, чтобы обращать на него достаточно внимания. Ее сестра знала о детях гораздо больше, но посоветоваться с ней насчет Блу Джинни не могла.

– Предлагаю договор, – тихо обратилась она к нему. – Вернешься в школу – стану платить тебе за выполнение моих мелких поручений.

– Какого типа? – Сделка показалась ему подозрительной.

– О, всего даже не перечислишь! Скажем, в квартире надо регулярно убираться. Кое-что перевезти, кое-что вывезти, кое-что передвинуть. Пришло время избавиться от моей очаровательной мебели и немного обновить обстановку. – Джинни огляделась, он одобительно ухмыльнулся.

– Тут есть из чего развести костер, – пошутил он. Оба рассмеялись.

– Ну, не до такой же степени... Ты мог бы ходить за покупками для меня и так далее. Разберемся!

– А сколько ты платишь? – серьезно спросил он, опять рассмешив ее.

– Смотря за какую работу. Как насчет минимального размера оплаты труда?²

Он подумал и согласно кивнул. Ее предложение стало выглядеть заманчивым.

– В школу-то мне зачем? Мне там всегда скучно.

– Не кончишь школу – всю жизнь проскучаешь. Ты парень сообразительный, такому нельзя не учиться. Не закончишь средней школы – приличной работы тебе не видать. Кто знает, может, ты и в колледж поступишь.

– А что потом?

– Будет зависеть от тебя. Одно ясно: без образования тебе только и останется, что жарить картошечку в «Макдоналдс». Ты заслуживаешь большего, – уверенно заключила она.

– Откуда ты знаешь?

– Знаю, и все. Не сомневайся, мне виднее.

– Ты меня даже не знаешь, – возразил он с вызовом.

– Это верно, но я знаю, что ты умница и можешь далеко пойти, надо только захотеть. – Она видела, что он хороший паренек, находчивый и изобретательный, такого достаточно было подтолкнуть, придать ускорение. – Ну, так что, по рукам? Ты вернешься в школу? Я помогу тебе записаться в муниципальную школу поблизости. Скажем, что ты некоторое время отсутствовал.

Казалось, она так и не дожидается от него ответа. Наконец, Блу, подняв на нее глаза, утвердительно кивнул. Предложение не вызывало у него восторга, тем не менее он его принимал.

– Попробую, – пошел он на компромисс. – Но учти, если там будет тоска, болван на болване, злые учителя – только меня там и видели!

– Нет, так не годится. Болваны не в счет, ты учишься до июня и осенью переходишь в среднюю школу. Без этого наша сделка отменяется. – Она протянула руку для пожатия и дождалась, пока Блу сунул ей ладонь.

– Ладно. Когда я начинаю на тебя вкалывать?

– Ну уж, вкалывать... Можешь начать прямо сейчас! Вымой посуду, пропылесось квартиру. Да, надо еще в бакалею сбегать. – Он уже допил купленное накануне молоко, а еще Джинни забыла купить фруктов. – Сходишь, ладно? Я составлю список покупок. Что тебе хотелось бы попробовать?

Она взяла с письменного стола лист бумаги и ручку и перечислила в столбик необходимые продукты; Блу добавил к списку свои любимые сладкие хлопья, фруктовые роллы, картофельные чипсы, говяжью нарезку, арахисовое масло, что-то еще из того, без чего дети не живут, всевозможные напитки.

– Как я погляжу, ты – мечта дантиста! – закатила Джинни глаза от его диктовки. Потом сообразила, что Блу, скорее всего, еще не попадал к дантисту; спрашивать об этом не было смысла. Начинать надо было с главного – со школы. Джинни сочла бы свою миссию блестяще исполненной, если бы удалось забрать Блу с улицы, поместить в безопасное место и заставить возобновить учебу.

Через несколько минут Джинни выпроводила его в магазин с тремя 20-долларовыми бумажками и длинным списком. Как только за Блу закрылись дверцы лифта, она открыла на ноутбуке тот сайт, который посещал он, и нашла там письмо Шарлин, предназначенное для Блу. Оно было написано только накануне. Джинни бросилась отвечать, надеясь, что это его тетя, – она помнила, что в разговоре про боулинг он называл ее Шарлин.

«У меня есть сведения про Блу, – писала Джинни. – Все в порядке, он в безопасности, в хороших руках. Прошу мне позвонить. Вирджиния Картер». – Она добавила номер своего сотового.

² МРОТ в США в декабре 2015 г. – 7.25 долл. в час. – Прим. переводчика.

Джинни сидела на диване и с невинным видом читала журнал, когда Блу вернулся с большим пакетом покупок и тщательно отсчитал ей сдачу. Потом принялся вычислять, сколько времени он потратил на это поручение, чтобы Джинни оплатила его труд. Видя это, она не могла не улыбнуться.

– Настоящий деловой подход! – похвалила она его. К ее удивлению, у него оказался твердый, аккуратный, разборчивый почерк.

Часть дня Блу посвятил уборке квартиры, помог Джинни переставить часть мебели, с гримасой отвращения выкинул давно умершее комнатное растение. Потом они вышли прогуляться. Они прошли мимо той школы, куда Джинни задумала его записать, до нее было недалеко; с другой стороны, неизвестно было, где ему придется жить. Он скорчил гримасу. Дальше у них на пути выросла церковь, вид которой заставил его скорчиться еще сильнее. Учреждение культа сильно рассердило его.

– Ты не любишь церкви? – удивленно спросила Джинни. Похоже, у парня были твердые убеждения. Сама она не была особенно религиозной, но ценила не покидавшее ее ощущение связи со Всевышним, пускай в подходившей ей свободной форме.

– Ненавижу попов! – не то проворчал, не то прорычал он.

– Почему? – Джинни хотелось побольше про него узнать, но он тщательно охранял свою жизнь. С ним приходилось обходиться, как с цветком: ждать, пока лепестки распустятся в свой срок. Джинни не хотелось его торопить, просто ее поставили в тупик его слова о священниках.

– Ненавижу, и все. Гады они все. Притворщики. Корчат добреньких, а сами...

– Некоторые из них по-настоящему добрые люди, – тихо возразила она. – Не все священники плохие. И не все хорошие. Они люди, такие же, как все остальные.

– Ага, а зачем тогда изображать богов? – Он здорово рассердился, и, не желая огорчать его еще сильнее, она прекратила спор. Ясно было, что эта публика не вызывает у Блу ничего, кроме гнева и презрения.

После ужина они опять пошли в кино. На этот раз фильм был не в 3D, но им все равно понравилось, и по дороге домой они взахлеб обсуждали увиденное. Джинни уже почти привыкла гулять и болтать с Блу; можно было подумать, что они знакомы гораздо дольше, чем на самом деле. У него обнаружилось хорошее чувство юмора и неожиданное красноречие. Дома он осведомился, сколько заработал за день, помогая ей. Они вместе занялись сложением, и его обрадовала итоговая сумма. Радостно улыбаясь, он включил телевизор. Джинни ждала звонка от Шарлин, но пока что его не было. Она надеялась, что женщина в конце концов позвонит.

Включив свой ноутбук, она увидела, что Блу снова посетил сайт для бездомных детей, и предположила, что он ждет сообщения от определенного человека.

Наконец, утром – Джинни еще не вставала – телефон завибрировал. Звонила Шарлин, действительно оказавшаяся тетей Блу.

– Кто вы такая? – с ходу спросила она Джинни. – Социальный работник из Службы охраны детства? Коп? – В ее голосе была подозрительность пополам с облегчением.

Джинни рассказала, как познакомилась с Блу, и уточнила, что теперь он ночует у нее на диване.

– Вы давно с ним не виделись? – спросила она. Эта женщина была ей интересна, как все, связанное с Блу. Вот только скажет ли голос в трубке правду? Голос был вообще-то приятный, даже интеллигентный.

– С самого сентября. Тут такое пошло... Квартирка крохотная, трое детей, единственная спальня, не повернуться! Мои ребята ночуют в спальне, я – на диване, Блу вообще на полу. Ну что за жизнь для парня? У его мамы сердце разорвалось бы, узнай она, что сын стал бездомным. – Видимо, Джинни казалась ей временным явлением, да и сама Джинни была того же мнения. – А еще ему не нравился мой дружок, – осторожно продолжила женщина. Поняв, что Джинни не официальное лицо, она успокоилась. – Ну, выпивает человек... Они все время

ссорились. Блу не устраивает, как он со мной разговаривает. Все время меня защищает, даже перебарщивает. Однажды они серьезно сцепились, Блу схлопотал от моего дружка оплеуху. Вот и сбежал. Вместе они здесь не уживутся, места нет: Гарольд иногда остается ночевать. Тогда Блу приходится спать в ванной, а она у нас одна... Папаша Блу был похож на Гарольда: поколачивал и сына, и его мамашу. Добрая была женщина, сына любила больше жизни, на все была готова ради него, только о нем и говорила перед смертью. Я взяла его к себе, потому что обещала ей, что возьму, но тогда у меня был всего один малыш. А теперь, с тремя – ну куда? Ни денег, ни места, ни времени... Для него выход – приемная семья, пусть ему подберут место получше...

– Ему, похоже, это не улыбается, да и возраст уже не тот, чтобы появились желающие его усыновить. С тринадцатилетними бывает очень непросто.

– Зато он хороший, умный мальчик, – любящим голосом сказала тетя Блу. – Его пришибло смертью матери. А его папашу поди докричись! Сел в тюрьму за торговлю наркотиками и отдал там Богу душу три года назад. Блу почти с ним не виделся. Кроме меня, у него нет родни.

Джинни поняла, в каком тяжелом положении находится Блу, у нее даже сердце заныло. Она знала, что в таком же положении находятся тысячи детей, но Блу был особенный, он тронул ее душу, стал ей небезразличен.

– Я собираюсь пристроить его в приют для бездомных подростков. Он соглашается возобновить учебу в школе, – с надеждой произнесла Джинни.

– Он ни там, ни там не удержится, – со знанием дела возразила его тетка. Она разбиралась в племяннике гораздо лучше, чем Джинни. – Он вечно отовсюду сбегают. И от вас сбежит, вот увидите. Совсем одичал! Сократите дистанцию – и ищи-свищи! То ли настолько напуган, то ли боится, что все мы поумираем, как его мать с отцом. – Она правильно его раскусила. – А вообще-то он хороший, добрый паренек, – оговорила Шарлин.

– Хотите, я попрошу его навестить вас? – предложила Джинни.

– Он не захочет. Если появится Гарольд, беды не оберешься. Просто сообщайте мне, где он, что с ним. Сама я ничего не могу для него сделать.

Шарлин опустила руки, сдалась. Он был для нее лишним ртом, лишней головной болью, к тому же бесил ее друга. Шарлин была предана Гарольду, а не Блу. Ясно было, что она больше не хочет его видеть. Выходило, что у него нет никого в целом свете. Сирота в самом полном смысле слова!

– Я дам вам знать, если получится устроить его в приют. Через неделю-две я уеду на несколько месяцев. Хочу упорядочить его жизнь, пока я здесь, – сказала Джинни. Этот разговор заставил ее еще сильнее тревожиться за Блу. Ему не к кому было прибиться, за спиной у него была пустота, ни единого близкого человека – не считая Джинни.

– Куда бы вы его ни определили, он все равно сбежит. Его тянет на улицу. Там теперь его родной дом, там он умеет жить. Вряд ли он теперь вернется в школу. – Для уха Джинни это прозвучало как приговор. Тетя Блу уже смирилась с такой судьбой для племянника. – Я – младшая медсестра в больнице «Маунт Синай». Я попыталась заинтересовать его уходом за больными, а он говорит: «Фу, грязь и вонючка!» Он мечтатель, воображает себя башковитым, рассчитывает набрести на хорошую работу. Но мы-то с вами знаем, что одного ума здесь мало.

– Потому я и хочу уговорить его продолжить учебу, – упрямо гнула свое Джинни. – Пока что он соглашается.

– Так всегда, – безнадежно сказал Шарлин. – Не позволяйте ему сильно вас огорчать, – предостерегла она. – После смерти матери он ни к кому не способен привязаться. Думаю, он остался без матери в слишком юном возрасте.

Джинни удивляла готовность тети Блу принять то, что он навсегда порченный, и позволить ему сделать своей судьбой уличную жизнь, не предлагая никакой альтернативы. В отличие

от Шарлин, Джинни не собиралась сдаваться. Точно так же она вела себя там, где работала: она всегда билась над тем, чтобы изменить положение своих подопечных. К тому же Блу был умницей для своих 13 лет, да еще жителем цивилизованного города, гражданином цивилизованной страны. Такому необходимо было дать шанс. Он этого заслуживал.

– Прежде чем уехать, я вам сообщу, где он будет находиться и чем заниматься, – пообещала она, хотя его тетя, похоже, переживала за него совсем не так, как она. Шарлин хорошо знала его, понимала, как сильно его тянет на волю, как он склонен к бегству.

Размышляя об этом, Джинни готовила завтрак на двоих. Ей хотелось рассказать Блу о беседе с его теткой, но она не осмелилась. Не хватало, чтобы он заподозрил, что они строят заговоры у него за спиной.

– Как насчет того, чтобы заглянуть сегодня в детские приюты? – после завтрака предложила Джинни. Его взгляд сразу похолодел, даже окаменел.

– Лучше я еще на тебя поищачу, денег заколочу, – упрямо буркнул Блу. Он не желал примиряться с ее скорым отъездом, Джинни видела, как его печалит сама эта мысль. Но от этого ее решимость найти для него безопасное убежище и вернуть его в школу не стала слабее. Это было единственное, о чем Джинни сейчас могла думать.

Ничего ему не сказав, она купила папки, тетрадки, ручки, карандаши, калькулятор и прочую всячину для школы, сложила все это в пакет и оставила в стенном шкафу.

Новый год они встретили за телевизором, наблюдая, как на заполненную толпой Таймсквер традиционно опускается по флагштоку «шар времени». Блу был в восторге, Джинни тоже, с ним за компанию.

Наступил понедельник, и она отправилась вместе с Блу в школу, которую они вдвоем присмотрели раньше, там явились к заместителю директора, чтобы записать парнишку в класс. Джинни назвала свой адрес, не уточнив, что он временный: она хотела создать у Блу уверенность, иначе он не провел бы в школе и дня. На вопрос, где он учился раньше, Блу ответил, что раньше жил у тетки, там и посещал школу. В школе были привычны к частым переездам учеников, и больше вопросов на эту тему не последовало.

– Вы его законная опекунша? – спросил Джинни заместитель директора. Она ответила не сразу.

– Вообще-то нет. Официально опекуншей остается его тетя, только он у нее не живет.

– Тогда потребуется ее подпись на бланках. – Заместитель директора подал ей бумаги. – Пусть подпишет, тогда мы зачислим его в восьмой класс. Раз он не учился с сентября, ему придется поднажать, чтобы нагнать остальных.

Блу нахохлился. Через несколько минут они вышли на улицу. Он с отчаянием посмотрел на Джинни.

– Это обязательно?

– Обязательно. Но первым делом нам нужна подпись твоей тети. Можно ей позвонить?

Он долго колебался, потом кивнул.

– Звони. Ей все равно, учусь я или нет.

– Уверена, что это не так, – твердо возразила Джинни. Она знала, что он прав, но не могла признать это вслух, потому что он не знал о ее разговоре с Шарлин. – А главное, есть я, и мне не все равно. Тебе некуда деваться, Блу. Или ты хочешь всю жизнь работать на подхвате, за гроши? Кто возьмет тебя на приличную работу, если ты даже восьмой класс не удосужишься окончить?

Блу знал, что она права, как ни тошно ему было все это слышать. Вечером они позвонили его тетке. Та с легкостью согласилась подписать необходимые бумаги, но еще раз предупредила Джинни, что Блу все равно бросит учебу. Джинни нужно было поторопиться отвезти бумаги ей в больницу, пока она не передумала. Смена Шарлин начиналась в 11. Уходя, она позвала Блу с собой, но тот, не вставая с дивана, помотал головой.

– Лучше я здесь подожду, – пробурчал он. У него не осталось никаких значимых для него связей с людьми. Его швырнули в море, и он научился сам держаться на воде. Джинни не хотела, чтобы он пошел ко дну. Они едва знали друг друга, тем не менее она дала себе слово, что поможет ему, и не желала его нарушать. Эта цепкость была залогом ее успеха в работе. Джинни никогда не сдавалась, старалась никого не подводить, трудилась не покладая рук, пока не добивалась результата. Ее девизом было «Нет ничего невозможного» – эти слова она уже не раз повторяла Блу. У нее сердце разрывалось от его одиночества и неприкаянности. Даже с теткой увидеться не хочет! Джинни подозревала, что последняя сцена с Гарольдом оставила на его душе глубокий рубец: похоже, там все вышло еще хуже, чем рассказала Шарлин, раз Блу теперь отвергал возможность с ней встретиться.

Встреча Джинни с Шарлин в больнице «Маунт Синай» произошла в назначенное время. На женщине был комбинезон младшей медсестры. Она оказалась симпатичной темнокожей примерно одного возраста с Джинни – лет тридцати пяти. В разговоре она обмолвилась, что отец Блу был белым, это от него мальчик унаследовал глаза невероятной синевы. Стало понятно, откуда у него такой цвет кожи – кофе с щедрой долей молока. Женщины согласились, что паренек красавчик.

– Спасибо вам за все, что вы для него делаете, – со вздохом сказала Шарлин, подписывая бланки для школы. – Надеюсь, вы в нем не разочаруетесь.

– Я ничего не исключаю, – ответила Джинни. – Пусть только попробует бросить школу: я за шкирку приволоку его обратно. Не собираюсь проигрывать бой!

– Чего ради? Почему вы так о нем заботитесь? – Шарлин искренне недоумевала. Джинни белая, живет в приличном районе, на работу, судя по разговору, не жалуется, за плечами у нее немалый кусок жизни. Шарлин не могла взять в толк, зачем ей эта забота – своенравный мальчишка.

– Он заслуживает, чтобы у него в жизни был шанс, – убежденно ответила Джинни. – Как и все мы. Кому-то везет больше, кому-то меньше. У него есть право на замечательную жизнь, как и у любого другого. Он еще мал, всякое возможно. Кто-то должен его поддерживать, верить в него. У вас собственные дети, вам есть о ком заботиться. А я одна на свете, почему бы мне не потратить время на Блу?

В глазах Джинни было что-то, тронувшее Шарлин. Она распознала затаенную боль и не стала допытывать Джинни расспросами, просто сказала, что Блу сильно повезло. Джинни знала, что раньше он не был знаком с везением, как раз наоборот. Она привыкла давать людям шанс, то же самое она теперь хотела сделать для Блу, поощрить его к борьбе за лучшую жизнь, по сравнению с той, которую ему приходилось вести раньше, ночуя в спальном мешке в аппаратной и не имея никого, кто о нем позаботился бы...

Шарлин поблагодарила ее еще раз, и Джинни ушла. Поймав на Пятой авеню такси, она поехала домой, к Блу.

Она еще сидела в такси, когда зазвонил ее сотовый телефон. Она подумала, что это Блу, но оказалось, что звонит Бекки.

– Ты где? – устало спросила сестра. В Калифорнии было только девять вечера, но она успела прожить утомительный день, навозившись с тремя детьми и с отцом.

– Еду домой. Встречалась кое с кем, надо было получить подпись на бумагах.

– Зачем? – В голосе Бекки были и любопытство, и тревога.

– Для Блу. Сегодня мы записали его в школу. Завтра он должен начать учебу! – победно отпарировала Джинни.

– Чем тебя так зацепил этот парень? – раздраженно осведомилась Бекки. За какие-то две недели вокруг бездомного мальчишки стала вращаться вся жизнь ее сестры.

– Любой заслуживает шанса в жизни, Бекки. Некоторым помогает куча людей, а ему эту кучу заменяю одна я. Вообще-то у него есть тетя, но у нее нет для него ни времени, ни места.

Я привыкла сражаться с бюрократами и воевать с ветряными мельницами. Этому мальчику нужен человек, который в него поверил бы. В данный момент этот человек – я.

– Повезло ему с такой болельщицей! Только я не возьму в толк, зачем это тебе самой. В чем соль? Через две недели ты окажешься на другом полушарии, опять застрянешь в каком-нибудь лагере беженцев, опять по тебе будут палить повстанцы, а он тем временем, скорее всего, снова очутится на улице. Ты только и делаешь, что ввязываешься в сражения, заведомо обреченные на поражение! – с вызовом сказала Бекки. Она много дала бы, чтобы Джинни вернулась к нормальной жизни.

Джинни не собиралась спорить с сестрой.

– Так и есть, – тихо сказала она. – Кто-то должен вести эти бои. Бывает, и выигрываешь.

Такси тем временем доехало до места, и Джинни прервала телефонный разговор. Когда она вошла в квартиру, Блу тревожно вскинул голову, в его глазах была тревога.

– Подписала?

Джинни кивнула, вешая на вешалку пальто.

– Подписала. И попросила передать тебе привет и поцелуи. – А вот это не соответствовало действительности: ничего такого Шарлин не говорила. – Завтра марш учиться! – твердо добавила Джинни. Блу закатил глаза.

– Может, не надо?

Она строго взглянула на него и вместо ответа сурово свела на переносице брови. Он вел себя, как и полагается в тринадцать лет. Нехотя встав, поплелся в ванную чистить зубы.

Следующее утро вышло немного суматошным. Джинни готовила ему завтрак, он собирался в школу. Джинни снарядила его всем необходимым, благо все было куплено, и проводила до школы. Он помалкивал, и Джинни догадывалась, что он нервничает. На углу она пожелала ему хорошего дня и смотрела вслед, пока он не скрылся за дверью школы. Джинни знала, что с него станется дожидаться, пока она уйдет, и улизнуть. Что ж, она сделала все, что могла, чтобы подтолкнуть его в правильном направлении. Дальше все зависело от него самого; так же происходило с детьми в лагерях беженцев, о которых она заботилась. Хотя нет, не совсем так. По какой-то причине, неясной пока ей самой, этот мальчик был ей небезразличен. С тех пор, как она впервые увидела его шмыгающим в дверь аппаратной, он сумел твердо занять место в ее сердце. Три года назад Джинни поклялась себе, что больше никогда никого не будет любить. Она чувствовала, что в детстве, когда умерла его мама, Блу принял такое же решение. И вот теперь две одинокие души нашли друг друга в неприветливом море жизни и бок о бок поплыли к спасительному берегу. Джинни поймала себя на странном чувстве, когда, вернувшись в квартиру, села за ноутбук. В последние дни Джинни забросила работу, а ведь ее уже завтра ждали в офисе фонда. Совсем скоро она опять уедет. По крайней мере, она загнала Блу в школу. До отъезда оставалось сделать одно: найти для него жилье.

Глава 5

Придя назавтра в SOS/HR, Джинни узнала, что там рассматривают для нее два варианта командировок. Одна – на север Индии, где родные отцы продавали в рабство несовершеннолетних дочерей, в специальный центр, предоставлявший убежище тем из них, кому удавалось сбежать. Некоторые из них, еще подростки, подвергались жестокому обращению. Другим вариантом опять были горы Афганистана, лагерь беженцев, где она работала раньше. Регион был ей знаком, работа опасная, изматывающая – именно та, к которой она стремилась. Она склонялась ко второму варианту, к типичному для себя выбору. Все тамошние опасности были на виду, к тому же фонд берег сотрудников, как зеницу ока, составлял свои программы и управлял лагерями с военной точностью, работал только там, где присутствовали Красный Крест и другие международные структуры. Джинни знала, чем опаснее район, тем меньше вероятности остаться там одной, без поддержки. Даже бедствующие страны, в которые их посылали, уважали и ценили их гуманитарную миссию, ту пользу, которую они приносили местному населению. Условия там были суровее некуда, часто связанные с риском, зато сама программа была загляденье, как и все их программы, – иначе Джинни бы с ними не сотрудничала.

– Ты еще не созрела для перехода на более щадящие условия? – спросила куратор Элен Уорберг, глядя на нее в упор. – Большинства хватает в лучшем случае на год. А ты уже три года выбираешь что пожестче.

– Люблю риск, – спокойно согласилась Джинни.

В нью-йоркском отделении Фонда она была известна тем, что всегда просила посылать ее туда, где горячее всего. До сих пор в ее работе не к чему было придраться, она ни разу не слышала и слова упрека в свой адрес. И не проявляла желания замедлить ход и съехать на обочину. Разговор с куратором завершился ее согласием на Афганистан. Джинни предложили отбыть через две недели. Уходя, она думала о том, как мало времени у нее остается на поиск сносного убежища для Блу.

Дома она возобновила поиск в Интернете и остановилась на трех вариантах. До его возвращения из школы она назначила на эту неделю три встречи. До отъезда нужно было все подчистить, со всем определиться. Если у нее получится, то она увенчает эту недолгую передышку в Нью-Йорке успехом, какого давно не добивалась. Это будет означать, что она не потратила время зря.

Блу тоже не зря просиживал на уроках. Он ходил в школу только два дня и каждый вечер тратил по часу на домашние задания, сидя за ее обеденным столом. По его словам, и учителя, и сами занятия навевали на него скуку, но пока что, вопреки теткинскому пророчеству, ничего не указывало на то, что он готовится к бегству. Впрочем, судить об этом было еще преждевременно. Джинни боялась, как бы он не бросил учебу после ее отъезда. Пока она была рядом, Блу еще готов был потянуть. Увы, происходившее в классе не вызывало у него никакого воодушевления. По его словам, он все это уже слышал, и Джинни подозревала, что так оно и есть. Он был для своего возраста очень головастым и взрослым, сфера его интересов была гораздо шире, чем у большинства сверстников. Он разбирался в мировых событиях, проявлял интерес к музыке. Что могла ему дать обычная школа, вечно нуждавшаяся в средствах? Она была заточена на непроходимых невежд, на самых слабых учеников, сильным же оставалось околевать от скуки. В результате уже после первой недели Блу блестяще прошел испытание для перевода в группу одаренных школьников.

Джинни еще не говорила ему про Афганистан, припасая этот разговор на ближайшие дни. Сначала она собиралась разобраться с подростковыми притоками. За рабочие дни недели она побывала во всех трех и остановилась на одном. Там специализировались на контингенте между 11 и 23 годами. Некоторые, побыв там и взявшись за ум, возвращались в свои семьи,

но так случалось нечасто. Большинство питомцев были в том же положении, что Блу: их семьи перестали существовать по причине смерти, исчезновения или тюремного заключения родителей. Работники приюта побуждали ребят возобновлять учебу, помогали им с поиском временной или постоянной работы, советовали, обеспечивали медицинскую помощь и временное жилье; жить можно было и в самом приюте, но не больше полугода. Там исповедовали принцип сокращения ущерба: некоторые питомцы, еще не полностью отказавшиеся от наркотиков, должны были соблюдать определенные правила поведения, а потребление наркотиков уменьшать и ни в коем случае не прибегать к ним в приюте. Программа была практичной и реалистичной. В приюте Блу могли предоставить спальное место, но он должен был захотеть там находиться – оставлять его там насильно никто не стал бы. Вместе с ним в комнате общежития ночевали бы еще пятеро, одного с ним возраста; каждый день его бы бесплатно кормили. Участие в программе было бесплатным, средства черпались из частных фондов и правительственных грантов. Все это было как будто специально придумано для Блу.

Джинни рассказала директрисе о ситуации Блу и о том, как с ним познакомилась. Та, ровесница Джинни, сказала, что парню повезло с наставницей.

– Я уезжаю на три месяца, – предупредила Джинни. – Когда я вернусь, он сможет опять перебраться ко мне, но, пока меня не будет, мне бы хотелось, чтобы он жил здесь, – с воодушевлением сказала она.

– Пусть сам решает, – философски молвила Энн Оуэн, директриса. – Наш главный принцип – добровольность. Не захочет – у нас полно других, мечтающих к нам попасть.

Джинни оставалось надеяться, что Блу проявит покладистость и благоразумие и откажется от уличной жизни. Этот вариант никуда от него не денется, тем более что, по уверениям его тетки, Блу питал отвращение к правилам и к дисциплине. Он слишком долго пользовался независимостью, хотя то же самое можно было сказать о большей части обитателей «Хьюстон-стрит» – так называлось заведение. Познакомившись с ним, Джинни рассказала о нем Блу. Тот насутился.

– Не хочу там жить, – проворчал он, надувшись.

– А что, в аппаратной тебе лучше? Здесь тебя накормят, уложат спать. Здесь другие ребята твоего возраста и старше, скучно не будет. Заболеешь – вылечат. Не глупи, Блу, не рискуй, жить на улице опасно. Сам знаешь, там жизнь хуже некуда.

– На улице я делаю, что хочу, – уперся он.

– Ага, хочешь – мерзнешь, хочешь – голодаешь, хочешь – получаешь палкой по голове и отдаешь хулиганам все, что у тебя есть. Выбор что надо, и не говори! – Она не хуже Блу знала, что его ждет на улице. – Я вернусь в конце апреля, и ты сможешь переехать сюда, если захочешь. А пока тебе надо как-то продержаться. – Обоим это казалось огромным сроком, а Блу к тому же боялся, что Джинни вообще не вернется. – Давай так: в воскресенье сходим туда вместе, тогда и решишь. Последнее слово за тобой, – напомнила она ему.

Да, окончательный выбор был за Блу, заставить его никто не мог, да и не собирался. Удобством общежитие все равно уступало квартире, но, с другой стороны, он провел в ней мало времени, да и, по сравнению с аппаратной и с другими закутками, где он привык ютиться, общежитие должно было показаться дворцом. Другое дело, что Джинни тревожилась, долго ли Блу сможет мириться с дисциплиной. До сих пор он был вольной птицей, а воля затягивает...

В субботу он брел в «Хьюстон-стрит» так неохотно, так медленно, словно надел свинцовые башмаки. Щербатые ступеньки главного корпуса он преодолел почти ползком. В этом корпусе было три отдельных помещения: одно для женщин и два для мужчин – жильцов здесь величали по-взрослому. Блу озирался и помалкивал. Несколько человек помахали ему в знак приветствия, но он не обратил на них внимания. Пока Джинни беседовала с воспитателем Хулио Фернандесом, полным гостеприимства, тепла и желания поделиться информацией, Блу стоял с каменным лицом, а потом чуть не разревелся.

– Ну, как, Блу, хочешь к нам? – напрямик спросил его Хулио.

– Не хочу! – почти грубо отрезал Блу.

– Смотри не прогадай! Пока что у нас есть для тебя койка, но она недолго простоит свободной. У нас всегда аншлаг.

Рядом находилась станция подземки, на дорогу в школу у него уходило бы несколько минут. Пока Хулио и Джинни обсуждали подробности, Блу отошел в сторонку. Кто-то включил классическую фортепьянную музыку – Джинни сочла это перебором. Вдруг Хулио умолк и уставился на что-то у нее за спиной. Она оглянулась – и разинула от изумления рот. На пианино играл с выражением отрешенности на лице сам Блу! У них на глазах он перешел от классики к джазу. Он словно забыл обо всех вокруг, перенесшись в совершенно другой мир.

– Да он талант! – прошептал Хулио, тараща глаза. Блу ни разу не обмолвился, что умеет играть на фортепьяно, его тетка тоже. Он говорил о своей любви к музыке, а теперь его пальцы летали по клавишам, как у заправского профессионала. Некоторые приютские замерли, заслушавшись. Когда он закончил, раздались аплодисменты. Он опустил крышку старого инструмента и вернулся к Джинни и Хулио. По виду Блу можно было подумать, что не произошло ничего необычного, но все, кто его слушал, были другого мнения.

– Когда я должен заехать? – спросил он Джинни.

– Ты ничего не должен, – ответил за нее Хулио. – Не хочешь – не делаешь, у нас так. Здесь не тюрьма. Этот дом для таких ребят, как ты, которые хотят здесь находиться. Каждый приходит сюда по доброй воле. Мы не исполняем судебных постановлений.

В общей сложности здесь могли разместиться 440 человек, и чаще всего набиралось именно это количество.

– Когда ты уедешь? – с несчастным видом спросил Блу у Джинни.

– Через десять дней. Наверное, тебе стоило бы перебраться сюда на следующей неделе, не дожидаясь моего отъезда, чтобы я еще несколько дней могла последить, как ты здесь приживаешься. Мы будем продолжать видеться. – Она хотела его ободрить, но он выглядел совершенно безутешным.

– Ладно, на неделе так на неделе, – с отсутствующим видом проговорил он. Теперь он напялил маску безразличия.

Они поблагодарили Хулио, договорившись, что Блу будет ждать койка, и ушли. На улице Джинни уставилась на Блу, не скрывая удивления.

– Ты не говорил, что ты пианист! – Она еще не оправилась от сюрприза. Блу играл замечательно, у него обнаружился редкостный дар. Она недоумевала, как, где он умудрился так овладеть инструментом.

– Какое там! – Блу пожал плечами. – Так, баловство.

– Нет, не баловство, Блу, а настоящий талант! Ты владеешь нотной грамотой? – Какие еще сюрпризы у него припасены?

– Типа того. Я самоучка. Бренчу понемногу.

– Если ты называешь это «бренчанием», то... Ты сразил наповал и меня, и всех присутствующих. Все от неожиданности попадали и отбили себе задницы.

Наконец-то он заулыбался. Она не стала спрашивать, понравилось ли ему в приюте: ответ был ей известен. Это было не важно, главное, что Блу дал согласие. А вот то, как он играет, заставило ее посмотреть на него совсем другими глазами. Мимо такого таланта нельзя было пройти, тем более, если Блу и вправду овладел инструментом собственными силами. Мальчишка оказался разносторонней натурой, и Джинни только начинала знакомство с гранями его личности.

– Где же ты учился музыке? – спросила она его в вагоне подземки.

– В подвале церкви, где молится моя тетка, стоит пианино. Священник разрешал мне играть. – Сказав это, Блу посерьезнел, Джинни заметила в его глазах незнакомое выражение. –

Но он оказался гадом, так что я это дело бросил. Теперь где вижу пианино, там и сажусь поиграть. Иногда захожу в музыкальные магазины, оттуда не сразу выгоняют.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.